

Международный экологический фонд
ИНСТИТУТ НООСФЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК

Ю. Ю. Новиков

ВЕЛИКИЙ ГУМАНИСТ И МЫСЛИТЕЛЬ

(к 135-летию со дня рождения и 45-летию со дня смерти

А. Швейцера)

Москва

2010

Новиков Ю.Ю.

Великий гуманист и мыслитель (к 135-летию со дня рождения и 45-летию со дня смерти А. Швейцера)/Предисл. А.В. Тулакина. – М., Ин-т ноосферных исследований и разработок, 2009. – 92 с.

В настоящей работе рассмотрены этапы жизненного пути и практической деятельности великого европейского мыслителя, врача-гуманиста, теолога, музыканта, общественного деятеля и борца за мир, Нобелевского лауреата Альберта Швейцера. Достаточно подробно проанализированы его практическая деятельность и концептуальный континуум. В частности, показана роль Швейцера в становление учения о благоговении перед жизнью. Рассмотрены вопросы музыкальной и музыковедческой деятельности А. Швейцера. Дан анализ влияния идей Швейцера на общественную и культурную жизнь, а также на перспективы современного развития.

Издание предназначено для студентов ВУЗов, аспирантов, врачей, преподавателей, научных работников и широкого круга читателей, интересующихся жизнью и творчеством замечательного гуманиста и мыслителя – А. Швейцера.

ББК 5д Швейцер А.

Отпечатано с готового оригинал-макета

© Новиков Ю.Ю.

© Институт ноосферных исследований и разработок

*Посвящается светлой
памяти моих родителей.*

Предисловие

Героем данной книги является выдающийся европейский мыслитель XX века, общественный деятель, борец за мир и независимость народов, лауреат Нобелевской премии мира за 1952 г. Альберт Швейцер.

Замечательный человек, жизненным постулатом которого было «уважение к жизни как выражение нравственной основы человеческого существования», на протяжении долгой плодотворной деятельности исповедовал истинную человеческую любовь, уважение, добро, идеалы гуманизма. Характерными чертами А. Швейцера были настойчивость, благородство, дисциплинированность, убежденность.

Интересны исторические факты, характеризующие деятельность Альберта Швейцера, воспоминания коллег и знаменитых современников, которые раскрывают многостороннюю личность, вырисовывают портрет стойкого и мудрого человека, истинного интеллигента, талантливого организатора, борца за мир и процветание.

Жизнь и творческая деятельность Альберта Швейцера – это яркий пример развития человечества от разобщенности к единству, пример к подражанию для сегодняшнего поколения людей, для эпохи, характерными чертами которой всё больше являются двойные стандарты, пренебрежение к наследию поколений, расхождение дел с мыслями и идеалами.

Значение жизни и творчества замечательных людей, к числу которых, безусловно, относится и А. Швейцер должно помочь человечеству стать добрее, найти свою жизненную опору, обрести свой идеал, оценить свой вклад в развитие человеческой цивилизации.

Уверен, что эта книга будет представлять интерес для широкого круга читателей любого возраста, профессии и социального положения.

Заместитель директора по научной работе
Федерального Научного центра гигиены им.
Ф.Ф. Эрисмана, д-р мед. наук, профессор

А.В. Тулакин

Уникальная личность – Нобелевский лауреат Альберт Швейцер был великим человеком, оставившим глубокий след в мире и в сердцах многих людей. Он занимал в культуре и науке XX века особое место, он принадлежал одновременно и к интеллектуально-философской традиции и к традиции социально-нравственного реформаторства.

Швейцер был замечательным европейским мыслителем, близким философии жизни, теологом, культурологом, врачом, музыкантом, музыковедом и борцом за мир. Его главным постулатом был: уважение к жизни универсально выражает нравственную основу человеческого существования. На протяжении большой и плодотворной жизни А. Швейцер не только исповедовал истинное человеколюбие и добро, но и на практике в своей многогранной деятельности реализовал идеалы гуманизма. Он никогда не представлял ни одной партии, или какого-либо движения и шёл по жизни своим путём, был, прежде всего, человеком индивидуальных действий и исповедовал личное благородство в обществе, признающем только обезличенную силу. Деятельность Швейцера была не только замечена, она получила признание мировой прогрессивной общественности. Более того, совершенно не стремясь к этому, он приобрёл репутацию и славу одного из самых истинных филантропов XX века. Причём А. Швейцер говорил: «Человек должен бороться, бороться со злом, а не сидеть, сложив руки, ожидая божественного вмешательства». Эти слова, по сути, явились программой, символом его жизни и деятельности. Альберт Эйнштейн как-то заметил об Альберте Швейцере: «Наконец-то в это трагическое столетие появился великий человек».

Представитель Норвежского нобелевского комитета Гуннар Ян после присуждения А. Швейцеру премии мира за 1952 г. отметил: «Швейцер показал, что жизнь человека и его мечта могут слиться воедино. Его работа вдохнула жизнь в понятие о братстве, его слова достигли сознания бесчисленных людей и оставили там благотворный след».

Основное внимание А. Швейцера было направлено на критику ценностных оснований современной европейской культуры. Он считал, что европейская культура потеряла смысл, цель, пошла по ложному, гибельному пути, и свою задачу он видел в том, чтобы дать ей новые духовно-нравственные перспективы. В этом желании остановить гибельное развитие человечества, вернуть его к чистым религиозно-нравственным истокам Швейцер был редкостен, но не одинок; он находился в ряду таких людей как Л.Н. Толстой, М. Ганди, М.-Л. Кинг.

Жизненный путь и практическая деятельность

Альберт Швейцер родился 14 января 1875 г. вторым ребёнком в маленьком городке Кэйзерсберг (Верхний Эльзас, принадлежавший в те годы Германии; затем - территория Франции), в семье потомственного протестантского пастора Луи Швейцера и его жены Адели, урождённой Шиллингер, также дочери пастора. Род Швейцеров по мужской линии обосновался в Эльзасе в середине XVII века, после Тридцатилетней войны, куда из Франкфурта-на-Майне переехал Иоганн Николаус Швейцер [Steffahn Н., 1979]. По женской линии Альберт Швейцер являлся потомком Рюрика, согласно интернет-исследованию «Знаменитые потомки князя Рюрика. Россия, Европа, США» [Абрамов А., 2010].

Вскоре после рождения Альберта его родители переехали в деревню Гунсбах (близ Кольмара). Поскольку французская провинция Эльзас была аннексирована Германией в результате франко-прусской войны 1871 г., Швейцер имел германское гражданство. Но его отец был франкоговорящим эльзасцем, и маленький Альберт научился бегло говорить на обоих языках. Вечерние проповеди отца с их искренностью и простотой, с беззаветностью его твёрдой веры Альберт запомнил на всю жизнь и пронёс через свои искания. Отец также побудил у ребёнка интерес к Африке [Freuyer Р.Н., 1978], ведь в каждое первое воскресенье месяца Луи Швейцер служил в Гюнсбахе «миссионерскую обедню», с увлечением рассказывая прихожанам о жизни и деятельности протестантских миссионеров в Африке. Впоследствии в своих воспоминаниях А. Швейцер признавался: «Мой интерес к миссионерству зародился во время богослужений в Гюнсбахе».

Альберт рос в скромном достатке, в заботах любящих, хотя и строгих, родителей, причём ещё с детства его отличали нравственная впечатлительность и сила воли. У него рано обнаружились разнообразные дарования, которые в сочетании с приобретенными в ходе семейного воспитания протестантскими добродетелями трудолюбия, упорства и методичности привели к тому, что к 30 годам Швейцер сделал блестящую карьеру [Гусейнов А.А., 1992].

В 1884-1885 гг. Альберт учился в реальном училище, а затем в гимназии в Мюльхаузене (1885-1893). Его выпускное гимназическое сочинение называлось «Счастье обретается в заботах» - эта тема стала вектором его дальнейшей жизни. Одновременно он брал уроки игры на органе. Окончив гимназию, в октябре 1893 г. молодой Швейцер с помощью дяди, имевшего торговое дело в Париже, стал учеником знаменитого французского органиста Шарля-Мари Видора. Тогда же по конкурсу он поступил одновременно на теологический и философский факультеты Страсбургского университета [Абрамов А., 2010]. В первые год-полтора теология чуть не вытеснила всё остальное. Профессор Генрих Юлиус Хольцман покорила его своими лекциями о синоптических

(первых трёх - от Матфея, Луки и Марка) Евангелиях Нового завета. Наконец-то Альберту было позволено выверять оружием исторической науки знакомые с детства книги, к которым, по мнению пастора Веннагеля и других наставников, лучше было не подходить со скальпелем мысли, а только со светлым настроением доверия и восторга [Носик Б.Н., 1971].

Студентом 2-го курса он пошёл добровольцем на военную службу, поскольку добровольчество сокращало срок службы в армии до одного года и количество экзаменов в университете, от которых зависела стипендия. При этом Альберт не прекращал посещать, лекции по теологии и философии. Тогда молодой Швейцер сделал своё первое открытие в такой области теологии, как эсхатология. Исследователь творчества Швейцера Вернер Пихт, писал о том, как «девятнадцатилетний рекрут... находит золотой ключик к эсхатологической интерпретации», - что это, наверное, «самый редкий пример столь раннего определения темы и главного тезиса пожизненной научной работы во всей истории моральных наук».

Позже, во время, заполненное университетскими занятиями, Альберт настойчиво искал сферу, в которой он мог бы быть полезным людям, просто как человек, предлагающий им себя, своё время, руки, сердце. Пастор церкви св. Фомы устроил приют для бродяг и бывших преступников, вышедших из тюрьмы. Альберт вызвался помогать в сборе средств. Это был тяжкий труд: приходилось объезжать на велосипеде знакомых и незнакомых людей, тратить на это время, которое можно было бы употребить на занятия. Альберту трудно было просить, он никогда не просил для себя и впервые просил для других. Были и ещё менее приятные задания. Среди обращавшихся за помощью встречались разные люди, и, прежде чем помогать, пастор должен был выяснить истинные обстоятельства жизни просителя. Тогда Альберту приходилось выступать в нелегкой роли инспектора, и он снова колесил по городу на велосипеде. В своих долгих поездках он думал о раскрытом философском томе на столе, об отложенной репетиции, о недописанном теологическом рассуждении, которое предыдущей ночью пришло ему в голову. Этой щедрой растраты дневного и вечернего времени ему не покрыть будет ночью. Сомнения начинали терзать его, и тогда он вспоминал своего кумира Гёте, его записки о путешествии по Гарцу.

Выпускной экзамен по теологии Швейцер сдал в мае 1898 г. Его дипломной работой было эссе «Теория Шлайермахера о Тайной вечере в сравнении с трактовкой этого события в Новом завете и в трудах реформаторов». Как преуспевающий выпускник он получил на 6 лет вперёд особую стипендию для постдипломной подготовки [Абрамов А., 2010]. Теперь Альберт с жадностью набросился на философию. Ещё ранее он увлекался трудами стоиков, у которых находил фундаментальное мышление, берущее за отправную точку самые существенные вопросы об отношении человека к Вселенной, о смысле

жизни, о природе добра, даже если на пути развития этики они не пошли дальше самоотречения. Но теперь Швейцера всё больше интересовали просветители XVIII века, всё больше волновали вопросы этики и морали, всё сильнее привлекала фигура Канта. А любимый Гёте по-прежнему стоял для него особняком, как могучая, величественная, но очень близкая ему личность. В берлинских библиотеках Швейцер штудировал произведения философов древности и нового времени. Одновременно в Берлине он посещал лекции Адольфа фон Харника, Отто Плайдера, Фридриха Паульсена и Георга Зиммеля.

Тогда же Швейцеру была назначена дополнительная стипендия, давшая возможность изучать философию в Парижском университете (Сорбонна) и брать уроки игры на органе у известного композитора Ш.-М. Видора. В середине марта 1899 г. Альберт Швейцер вернулся в Страсбург, даже несколько раньше, чем предполагал. Он погрузился в кантовские тексты и заставил себя напряженно работать. Вскоре он вручил профессору Т. Циглеру готовую рукопись [Freuер P.H., 1978] - всего за четыре месяца Швейцер написал диссертацию «Суть веры: философия религии Канта (Die Religions philosophic Kants)», которая была блестяще защищена. В 1899 г. он стал доктором философии и викарием-стажёром (викарий - помощник приходского пастора) в церкви святого Николая в Страсбурге. В качестве священнослужителя он не только проводил утренние и вечерние проповеди, занятия в воскресной школе, но ещё и присутствовал при таинстве смерти, облегчении души страдающего и принятии новой жизни в обряде крещения. Несомненно, всё это способствовало глубоко религиозному мистическому ощущению жизни как чуда, как высшей ценности [Гусейнов А.А., 1992].

Затем А. Швейцер занялся философией культуры. В это время особенно проявилось его увлечение Гёте, которому суждено было продолжаться всю жизнь. Гётевский постулат «В начале было дело» стал для него не только чисто философской формой выражения бытия. Эти слова сделались основным принципом как для Швейцера-философа, так и Швейцера-теолога [Freuер P.H., 1978]. В 1900 г. был опубликован сборник «Девятнадцатый век», где среди 24 статей на темы философии и культуры была и статья А. Швейцера «Философия и общий уровень просвещения в XIX веке». В ноябре 1900 г. Швейцер стал викарием.

В 1901 г. отдельным изданием было опубликовано в Тюбингене эссе А. Швейцера «Проблема тайной вечери, анализ, основанный на научных исследованиях XIX века и на исторических отчетах», продолжавшее тему его дипломной работе на теологическом факультете. В том же году он получил степень лиценциата теологии, защитив диссертацию о значении Тайной Вечери «Тайна мессианства и страданий. Очерк жизни Иисуса», которая также была выпущена отдельной книжкой в издательстве Мора в Тюбингене.

В 1902 г. А. Швейцер защитил габилюационную (дающую право на преподавание) диссертацию по теологии и был назначен приват-доцентом Страсбургского университета и профессором теологического колледжа святого Фомы, а через год стал его директором. 1 марта 1902 г. Швейцер прочёл свою первую лекцию студентам теологического факультета. Тематика его лекций – анализ творчества Шопенгауэра, Гартмана, Зудермана, Гёте, Ницше и других мыслителей. При этом А. Швейцер с октября 1903 г. возглавил Фонд святого Фомы, а несколько ранее стал деканом теологического факультета Страсбургского университета. Помимо чтения лекций, проповеднической и административной деятельности Швейцер занимался исследовательской работой и играл на органе. В 1905 г. парижское издательство «Косталла» (совместно с Лейпцигским издательством «Брейткопф и Хэртель») издало его книгу о Бахе «I.S. Bach, musicien-route», которую современники считали определяющей начало «баховского» ренессанса в Европе.

В то же время А. Швейцер разрабатывал разнообразные теологические и философские проблемы. В частности, он написал фундаментальный труд по евангельской историографии «От Реймаруса до Вреде. История исследований жизни Иисуса (Von Reimaarus zu Wrede-Geschichte der Leben-Jesu-Forschung), 1906». В тридцать лет Швейцер - признанный теолог, многообещающий философ, профессор Страсбургского университета, блестяще концертирующий органист, известный теоретик и историк музыки, автор, имевший большой успех. В эти годы А. Швейцер много читал Л.Н. Толстого и думал о его произведениях. У него не раз было желание написать Толстому. Похоже, что он даже обдумывал, что он сказал бы Льву Толстому: духовные узы, их связывавшие, крепили с годами. Сперва их объединяло «стремление раскрыть понятие прекрасного в нас и во всём окружающем нас». Потом «простой и глубокий гуманизм», возврат к идеалам гуманизма и, наконец, интерес к проблемам раннего христианства: «Казалось, всё побуждало меня установить отношения с этим почтенным старцем... я был слишком робок, чтобы решиться на это». Швейцер написал эти слова, когда был уже сам «почтенным старцем», через полстолетия после смерти Л.Н. Толстого [Носик Б.Н., 1971].

В период расцвета своих творческих сил, он достиг многого, необходимого для благополучной и счастливой жизни: имел широкое признание, его ждала блестящая карьера в университетах Европы, или на музыкальном поприще. Но А. Швейцер всё время помнил о принятом около 10 лет назад решении, которое так описывал в своих «Воспоминаниях о детстве»: «Однажды солнечным летним утром, когда - а это было в 1896 г. - я проснулся в Гюнсбахе во время каникул на Троицын день, мне в голову пришла мысль, что я не смею рассматривать это счастье как нечто само собою разумеющееся, а

должен за него чем-то отплатить. Раздумывая над этим, лежа ещё в постели, в то время, когда за окном пели птицы, я пришел к выводу, что было бы оправданным до тридцати лет жить ради наук и искусств, чтобы затем посвятить себя непосредственному служению человеку». Вопрос о том, чем и как он конкретно будет заниматься после тридцати лет, Швейцер тогда оставил открытым, доверившись обстоятельствам. Годы шли, приближаясь к обозначенному рубежу. И однажды, осенью 1904 г., он увидел на своём столе среди почты брошюру ежегодного отчета Парижского миссионерского общества. Откладывая её в сторону, чтобы приступить к работе, он вдруг задержался взглядом на статье «В чем испытывает острую нужду миссия в Конго?» и стал читать. В ней содержалась жалоба на нехватку людей с медицинским образованием для миссионерской работы в Габоне, северной провинции Конго, и призыв о помощи. «Закончив чтение, - вспоминал А. Швейцер, - я спокойно принялся за работу. Поиски завершились».

Вначале он собирался стать миссионером, владеющим элементами медицины. Об этом свидетельствует его письмо директору Парижского миссионерского общества А. Бёгнеру [Steffahn H., 1979]. Но вскоре он решил избрать медицинскую профессию, в которой, по мнению самих медиков и в полном соответствии с убеждениями Швейцера, «самое важное - это сострадание к пациенту», то есть помощь человеку, страдающему от боли, конкретное дело добра, помощь «от человека к человеку».

Однако прошел ещё год, прежде чем он объявил о своём решении родным и друзьям (до этого он поделился своими мыслями лишь с одним не названным им близким другом) [Носик Б.Н., 1971]. Это был год раздумий, взвешивания своих сил и возможностей, строгой рациональной проверки намерения на осуществимость. А. Швейцер никогда не участвовал в «общественной» деятельности, мыслил себя вне существующего реального мира и не стремился его изменить; он создал собственную картину мира – такого, в каком он мог бы жить в соответствии с собственными представлениями. И он пришёл к заключению, что способен поднять намеченное дело, что для этого у него хватит здоровья, энергии, выдержки, здравого смысла, и в случае неудачи - стойкости, чтобы пережить крах. 13 октября 1905 г., будучи в Париже, он опустил в почтовый ящик письма, в одном из которых снимал с себя обязанности по руководству колледжем святого Фомы и декана Страсбургского университета, а в остальных извещал родителей и ближайших друзей о том, что, начиная с зимнего семестра, он становится студентом медицинского факультета и намерен по окончании его поехать врачом в Экваториальную Африку.

Решение А. Швейцера вызвало среди родных и друзей настоящий переполох. Недоумение и непонимание переходило в активное противодействие. Но никакие эмоциональные оценки и благоразумные доводы не могли его поколебать. Ведь принятое

решение было не началом, а итогом почти десятилетних раздумий. Швейцер лишь ещё более укрепился в уверенности, что нельзя навязывать другим людям своих мнений и оценок, живо почувствовал безнравственность любых попыток вторжения в чужую душу. Много раз повторит он в своих произведениях и свято будет всю жизнь блюсти заповедь: «Не судите других». В письме фон Люпке А. Швейцер писал, прося понять его правильно: «Мы сидим здесь и изучаем теологию, а потом состязаемся в конкурсах на лучшие духовные должности, пишем толстые учёные книжки, чтобы стать профессорами теологии... Так что же, я должен посвятить свою жизнь новым критическим открытиям, чтобы стать знаменитым теологом и готовить новых пасторов, которые будут сидеть дома, а я не буду при этом иметь никакого права побудить их к активной работе? Я так не могу».

Теперь его лозунг звучал так: «Сначала я должен вылечить людей, а уж затем нести им слово Божье». С октября 1905 г. А. Швейцер приступил к занятиям на медицинском факультете Страсбургского университета, возмещая расходы на обучение за счёт органных концертов. Одновременно, не прекращая преподавания на теологическом факультете университета, он почти еженедельно выступал с проповедями и, продолжал вести интенсивные исследования по религиозно-философской проблематике. Однако весной 1906 г. он с жаром отдался учебе. Впервые после окончания гимназии он взялся за естественные науки. Это был интересный, но довольно резкий и нелегкий переход. Ему часто вспоминалось, что его кумир, Гёте, к образу которого он прибегал так часто в трудную минуту, «тоже оставил интеллектуальные занятия и обратился к естественным наукам». В автобиографии, касаясь периода учёбы на медицинском факультете, он отмечал: «Изучая естественные науки, я почувствовал, что соприкоснулся с действительностью, что нахожусь среди людей, для которых каждое утверждение требует обоснования и действия. Изучение естествознания для меня больше чем совершенствование знаний. Оно явилось событием в моей духовной жизни».

В так называемый доклинический факультетский курс входили анатомия, физиология, химия, физика, зоология, ботаника. Подход ко всем этим наукам был у Швейцера, конечно, не студенческий. Дело было не только в том, что он накапливал медицинские знания: для него это было переживание духовного порядка, нравственный эксперимент [Носик Б.Н., 1971]. В гуманитарных науках, которыми он до сих пор занимался, «не было истин, которые бы подтверждались как самоочевидные», а лишь «мнения, которые получали признание как истины». «Поиски истины в области истории и философии протекают в бесконечных поединках между чувством реальности одного и богатой силой воображения другого, - писал А. Швейцер в автобиографии. - Аргументация от факта никогда не может здесь добиться решительной победы над

искусно построенным суждением. Как часто то, что считается прогрессом, представляет собой всего-навсего искусно построенное суждение, надолго выводящее из игры всякое реальное открытие!»

Весной 1908 г. у А. Швейцера был практический экзамен по гинекологии. Privat-доцент теологического факультета и студент медицинского факультета принимал роды. Схватки продолжались всю ночь, а к утру положение осложнилось некоторыми привходящими обстоятельствами. В 11 часов утра Швейцер должен был венчать в церкви святого Николая свою давнюю подругу, дочь профессора Кнаппа, Элли и её жениха, молодого политика Теодора Хейса. Жених, невеста и сопровождавшие их друзья уже были на месте и начинали нервничать, когда у церкви появился, наконец, экипаж с молодым пастором в белом врачебном халате. А. Швейцер второпях сменил белый халат на облачение священнослужителя, и церемония началась [Носик Б.Н., 1971]. Через много лет невеста (тогда уже супруга президента ФРГ) вспоминала врезавшиеся ей в память слова проповеди: «Высшее вдохновение этого момента не в том, что двое поклялись в своём сердце жить друг для друга, а в том, что они приняли решение в сердце своём жить вместе для служения какому-то делу... Только те поймут великие задачи нашего времени, кто поймет, что всякое служение, всякая попытка улучшить человечество и добиться прогресса должны вести к созданию нового духа».

В октябре 1911 г. начались государственные экзамены на медицинском факультете. Деньги, заработанные А. Швейцером на музыкальном фестивале в Мюнхене, пошли на оплату последней в его жизни экзаменационной сессии - государственных экзаменов на медицинском факультете. 17 декабря был сдан последний экзамен. Принимал его профессор Маделюнг. Потом оба они, студент и профессор, вышли в темноту декабрьского вечера, и Швейцер вспоминал впоследствии, что, шагая рядом с Маделюнгом, он никак не мог осознать того, что всё это ему не снится, что он действительно сдал свой последний экзамен и что страшное напряжение этих месяцев позади. Маделюнг уже второй или третий раз повторял свою фразу, но она доносилась до А. Швейцера словно откуда-то из потусторонних сфер: «Только ваше великолепное здоровье позволило вам осилить такую работу» [Носик Б.Н., 1971]. Экзамены были позади, оставался год постдипломной подготовки, в ходе которой надо было подготовить письменную работу для получения докторской степени.

После экзаменов Швейцер на год уехал в Париж, где проходил клиническую подготовку по тропической медицине и работал над подготовкой медицинской диссертации, которая потребовала от него углублённого погружения в психиатрию. В связи с этим в июне 1912 г. А. Швейцер окончательно отказался от преподавания в

Страсбургском университете и от чтения проповедей в церкви св. Николая. Ему нужно было время для работы над завершением диссертации и для подготовки к предстоящей поездке в Африку.

18 июня 1912 г. состоялось бракосочетание Альберта Швейцера и Елены Бреслау, которая была учительницей и социальным работником. С ней Швейцер впервые встретился в 1902 г., когда она привела группу детей в церковь св. Николая разучивать хоралы. Отец Елены был профессором Берлинского, а затем Страсбургского университетов, крупнейшим историком немецкого средневековья. Е. Бреслау, закончив учительские курсы, работала в женской гимназии, увлекалась живописью и скульптурой. Затем, видя своё призвание в помощи обездоленным, она работала в доме для одиноких матерей с детьми на окраине Страсбурга [Абрамов А., 2010]. С 1909 г. Елена стала регулярно встречаться с Альбертом Швейцером, их сближал гуманистический взгляд на жизнь как служение людям. После бракосочетания она, чтобы быть полезной в будущей деятельности, закончила курсы медицинских сестёр с уклоном в тропическую медицину.

В начале 1913 г. Альберт Швейцер защитил диссертацию на тему «Психиатрическая оценка личности Иисуса (Die psychiatrische Beurteilung Jesu), 1913» и получил степень доктора медицины. Одновременно он организовал сбор средств на нужды создаваемой им миссии, ведь без соответствующего материального обеспечения невозможно было наладить полноценное медицинское обслуживание. Нужно было закупить всё необходимое для того, чтобы лечить несчастных, лишённых медицинской помощи туземцев: медикаменты, инструменты, предметы домашнего и больничного обихода, продукты питания. А для всего этого нужны были деньги. Он обратил на это все свои сбережения - и то, что он заработал концертами, и то, что получил за книгу о Бахе. Но этого было недостаточно. Швейцеру пришлось преодолеть свою гордость, неумение и нежелание просить. Он должен был сейчас просить людей, чтобы они пожертвовали на помощь другим людям. Он не мог дать при этом никаких гарантий. Дающие должны были просто поверить в то, что он обратит эти деньги на помощь страждущим. А. Швейцер не мог им ещё продемонстрировать никаких результатов. Люди, верившие в него (чаще, чем в его дело и его идею помощи), давали ему деньги. Его недавние коллеги по Страсбургскому университету проявили трогательную щедрость по отношению к подданным какой-то французской колонии; что доброта, с которой он встретился во время этого унижительного обхода, «перевешивает в сотни раз те унижения, с которыми ему пришлось примириться» [Носик Б.Н., 1971]. Довольно значительную часть всех средств собрали прихожане его любимого прихода - церкви св. Николая. Деньги поступали и из других уголков Эльзаса, где были сейчас его ученики и бывшие прихожане.

Парижское Баховское общество и его хор вместе с Швейцером и солисткой Марией Филиппи дали в Гавре концерт, сбор от которого пошел в пользу будущей больницы. Концерт прошёл с успехом, и, кроме концерта, в Гавре была с той же целью прочитана благотворительная лекция о Бахе.

Вскоре А. Швейцер перебрался он в Париж, где должен был делать закупки для госпиталя в Африке и вести окончательные переговоры с Парижской протестантской миссией. Наиболее ортодоксальные члены попечительского комитета, ведавшего делами миссии, возражали против новаторских взглядов нового доктора. Было решено вызвать его на заседание комитета и там проэкзаменовать в отношении его взглядов и верований. Этого вольнолюбивый воспитанник Страсбургского университета допустить не мог. Швейцер направил комитету письмо, где заявлял, что, если бы комитет следовал завету Иисуса «кто не против нас, тот с нами», то он не имел бы права отказать даже магометанину, который предложил бы свои услуги для облегчения страданий африканцев. В своих отношениях с миссией А. Швейцер проявил не только твердость, но также и мудрость, практическую сметку. После индивидуальных переговоров с членами комитета он получил разрешение на открытие госпиталя, но с условием отказа от пасторской деятельности. Религиозное и гуманитарное оправдание своего решения стать врачом в джунглях и утверждение наднационального и надконфессионального характера своей работы позволили Швейцеру не только избежать конфликтов с властями, но и найти спонсоров для своей деятельности [Scholl J., 1994].

26 марта 1913 г. А. Швейцер получил направление Парижской протестантской миссии на организацию больницы в селении Ламбарене (провинция Габон колонии Французская Экваториальная Африка). «В страстную пятницу церковный колокол на колокольне моей родной эльзасской деревушки Гюнсбах, в Вогезах, едва кончил звонить к вечерней службе, когда поезд наш показался из-за кромки леса, и путешествие в Африку началось. Мы махали с площадки последнего вагона и в последний раз увидели шпиль на церковной башенке, маячившей среди деревьев. Когда же мы увидим всё это снова?..». Так начиналась глава книги воспоминаний Швейцера об Африке.

Плывя на пароходе, А. Швейцер ощущал на своих плечах тяжкое бремя долга. Он часто говорил в это время о долге просвещенного человека в джунглях, об искуплении того, что было совершено в отношении Африки «цивилизованными» державами. Но его долг белого - это не кипплинговское «бремя», что очень точно подметил в своей книге «Понимание Альберта Швейцера» Джордж Маршалл: «Швейцер ехал в Африку не для того, чтобы нести бремя белого, а для того, чтобы отречься от колониализма, восплаемого Кипплингом. Он был, наверно, одним из первых великих антиколониалистов».

После долгого плавания Альберт и Елена Швейцеры прибыли в деревню Ламбарене. Супругов ждала торжественная встреча. В домике с верандой для них было подготовлено жильё. А. Швейцер вышел на веранду: и произнёс «Вид потрясающий: под нами поток, здесь и там переходящий в озерцо, а на горизонте синееет гряда холмов». Он ведь стремился к этому всю жизнь сознательно и неосознанно, к изначальной красоте творения, к не расчерченной дорожками структурностью парка, к могучей стихии воды, к простоте жизни на земле. Он и сам из маленького Гюнсбаха, из деревни трудолюбивых крестьян. Нет, не случайно он попал в это Ламбарене, приютившееся «между водой и девственным лесом»! (Он так и назвал свою первую книжку об Африке).

На следующий день Швейцер начал приём больных. Поскольку здание амбулатории ещё не было построено, он начал принимать больных прямо во дворе при палящем солнце и изнуряющей духоте. Он не знал ещё ни страны, ни климата, ни пациентов, ни даже своих возможностей. А больные все прибывали и прибывали на своих пирогах по реке, сверху и снизу, а также из лесу, по невидимым тропам. Одни ковыляли сами, других несли родные. К вечеру Альберт Швейцер едва держался на ногах от усталости, но всё же отметил с удовлетворением, что место он выбрал удачно: больные добираются сюда по реке. Кроме того, в этих местах ещё живы рассказы об американском докторе Нассау и о заезде хирурге-французе: здесь доверяют белому врачу. Он должен закрепить и развить этот первый успех.

Через несколько дней начались ливни, и Швейцер решил переоборудовать в нечто подобное амбулатории старый птичник, где некогда держал своих кур уехавший миссионер. Здесь была ужасная теснота. Но его жена Елена оказалась великолепной помощницей-медсестрой. Она справлялась с домашним хозяйством в условиях джунглей, готовила для приёма бинты, лекарства, стерилизовала инструменты. Вскоре А. Швейцеру с трудом удалось подыскать толкового помощника. Им оказался местный житель Джозеф Азовани, работавший раньше поваром и владевший французским и немного английским языками и знавшим 8 местных наречий, который стал одновременно переводчиком, поваром и санитаром. С ним Швейцер проработал (с перерывами) до самой смерти. Доктор самоотверженно занимался с больными по 12 часов в сутки. А вечерами он участвовал в строительстве больничного домика, в котором можно было бы оборудовать операционную. Строительство закончилось осенью.

Постепенно доктор выработал собственную систему клинического обслуживания. Казённые врачи не раз говорили ему, что он счастливый человек: он избавлен от бюрократической писанины. В глазах его вспыхивали при этом лукавые искорки: он ведь предвидел, что работа его должна быть независимой от учреждений. Выработанная

Швейцером система была проста: он записывал в журнал диагноз, лекарство и тару, а пациенту давал картонную бирочку с номером. Пациент тут же подвешивал номер на шею, на одну веревочку с жетоном об уплате подоходного налога. И доктор чувствовал, что бирочка приобретает для больного весомость амулета. При повторном визите доктор по номеру с бирочки мгновенно находил в журнале прежний диагноз.

Первые письма А. Швейцера из Африки дышали торжеством победы. Это письма счастливого человека. У него ещё нет помещения, зачастую он просто с ног валился от усталости, он ещё не выработал прочных навыков в обращении с пациентами, у него мало опыта, мало помощников и много больных; и всё же это была победа. Он писал: «Работу затрудняет то, что в курятнике можно держать очень мало лекарств, так что приходится бегать за лекарствами через двор... Когда же будет готово здание моей больницы? И что, если оно не будет готово?» и «Однако что значат все эти неприятности в сравнении с радостью, которую я испытываю от того, что нахожусь здесь, работаю и помогаю людям? Какими бы ограниченными ни были наши средства, как всё-таки много можно сделать с их помощью! Достаточно увидеть радость человека, которого мучила язва, в момент, когда раны его уже перевязаны и ему не приходится больше волочить по грязи свои бедные кровоточащие ноги. Достаточно увидеть это, чтобы почувствовать, что работать здесь стоит».

Осенью больничный домик у подножья холма был достроен. Он представлял собой здание из рифленого железа, крытое пальмовыми листьями. Здесь уместилась маленькая аптечка, приёмная и маленькая операционная. В конце осени Швейцер начал приём в новом доме, а в декабре он получил в своё распоряжение навес для больных и новую приёмную, которые были построены из бревен и покрыты, как туземные хижины, листьями рафии. В палате, под навесом, А. Швейцер начертил на полу шестнадцать больших прямоугольников - места для лежания. В тот же день на лодках привезли дерево, а к ночи все шестнадцать лежанок были готовы. Это было нехитрое и практичное устройство: четыре столбика с рогаткой, две длинные жерди, а поперёк - несколько палок покороче. Поверх была постлана сухая трава вместо матраса. Койки широкие - так, чтобы можно было уместиться вдвоём и втроём, накрывшись принесенными из дому противомоскитными сетками. Всё как дома, и доктор твёрд был только в одном требовании: чтобы здоровые, живя в палате во время своих посещений, не гоняли на пол больных.

Швейцер наблюдал за пациентами, за тем, как они устраиваются в больнице, как организуют свой быт. И он не ломал этот быт, не совершал «культурных революций», а понемножку приспособливал правила больницы к этому быту. Больше того, больные сами

подсказывают ему многое. В джунглях очень сильны внутрисемейные связи. Поэтому А. Швейцер разрешил пациентам приводить семью в больницу. Нерационально было бы строить палаты европейского типа, ставить больного в непривычные условия. И доктор не навязывал больным ничего, что могло бы их сейчас расстроить. Он видел, как умирают здесь люди, нарушившие глупейшие табу: он знал, как легко травмировать психику африканца. Не надо нарушать табу, не надо добавлять к страданиям больного психическую травму, вызванную больничным режимом, если в этом нет острой необходимости. К концу первого года в лесной клинике Швейцера лежало уже около 40 больных. Вокруг домика выросли бамбуковые хижины.

Вскоре в городе Самките происходило собрание миссии и местных проповедников. Здесь поддержали просьбу А. Швейцера об ассигновании на строительство больницы. Вообще у него сложились прекрасные отношения со всеми представителями миссии. Однажды во время какого-то теологического затруднения один из миссионеров даже обратился к нему с вопросом. Впрочем, тут же с места последовал протест от проповедника-африканца из далекой деревни: «Так нельзя. Ведь доктор же не теолог, как мы с вами». Впрочем, когда отцы из миссии убедились, что он вовсе не навязывает им своих теологических взглядов, они разрешили ему читать проповеди. Запрет был снят, и он больше не должен был «молчать как рыба» [Носик Б.Н., 1971].

Увеличение числа больных требовало нового строительства, а строить было некому. На стройке у Швейцера работали наёмные рабочие, выздоравливающие или совсем выздоровевшие пациенты, а иногда и родственники пациентов. В первый же год доктор познакомился с самой неприятной из своих африканских обязанностей: ему приходилось осуществлять надзор за рабочими. Это было самым большим испытанием для его сил, нервов, для его сдержанности, для наследственного темперамента. Он описывал этот новый для него вид деятельности с раздражением: «Недавно я нанял несколько человек для строительства нового больничного помещения, но, когда пришёл на стройку вечером, увидел, что ничего не сделано. На третий день я разозлился, но один из негров - далеко не худший из работников - сказал мне: «Доктор, не кричите на нас! Вы сами виноваты. Оставайтесь здесь, и мы будем работать, а то вы целый день в больнице с больными, вот мы тут ничего и не делаем». Теперь я прислушался к этому совету...». После этого Швейцер, выкроив часа три в день, заставлял их работать до пота. Он раздражался, кричал, а потом испытывал тягостное чувство вины. И в то же время он поражался их ровному, отходчивому нраву и не раз писал, что у африканцев «характер лучше, чем у нас».

А на другом берегу, против больницы, А. Швейцер организовал строительство хижины для больных сонной болезнью. Сонная болезнь была страшным бичом Африки. Швейцеру уже в первый год не раз приходилось слышать этот душераздирающий крик: «О, доктор! Голова! Голова! Больше не могу! Дайте мне умереть!» Он видел это много раз: жестокая лихорадка, бессонница, а потом, наконец, сонное состояние, из которого нет возврата; сон становится всё крепче и крепче, больной впадает в беспамятство. На спине его появляются пролежни, колени подтянуты к подбородку... «Страшное зрелище!» - записывал Швейцер. Учёные давно открыли дневную переносчицу заразы: это «глоссина пальпалис», разновидность мухи цеце. Позднее выяснилось, что москиты тоже переносят сонную болезнь. «Армия москитов по ночам продолжает дело, начатое днем мухой цеце. Бедная Африка!» - восклицал А. Швейцер. Чтобы успешно бороться с болезнью (а он очень верил в силы медицины), надо убивать трипаносомы, пока они ещё в крови, пока не перешли в спинномозговую жидкость, а значит, надо распознавать болезнь на ранней стадии. Однако на ранней стадии у больного только лихорадка, не такое уж редкое явление в этих местах. Следовательно, при всякой лихорадке и головной боли надо производить микроскопическое исследование. Беда ещё в том, что эти паразиты очень мелки: меньше одной восемнадцатитысячной миллиметра в длину! «Таким образом, я иногда по целому часу просиживаю над анализом крови пациента, - писал Швейцер, - рассматриваю четыре или пять капель и всё ещё не имею права сказать, что болезни нет; затем необходимо бывает центрифугировать венозную кровь в течение часа. Может быть, хоть тогда трипаносомы соберутся в последних каплях, но часто и этого не происходит...» Описание трудоемкого исследования завершается истинным воплем доктора, измученного жарой и бесконечным потоком больных: «Таким образом, каких-нибудь два пациента могут на целый день привязать меня к микроскопу, а ведь десятки других ждут меня. К тому же я должен делать ещё хирургические операции, надо очищать воду, готовить лекарства, промывать раны и рвать зубы!.. По причине постоянной спешки и нетерпеливости ожидающих пациентов я часто впадаю в такое возбужденное состояние, что перестаю замечать, что я делаю и где я».

В августе 1914 г. началась Первая мировая война, в которой Германия и Франция оказались воюющими друг против друга сторонами. А. Швейцер оказался вдали от границы, ставшей линией фронта. Но эта линия пришла за ним в Африку. Неподалеку от Ламбарене проходила граница французского Габона и немецкого Камеруна. К тому же сам Швейцер и его жена были немецким подданным, и потому их должны были теперь интернировать. Для начала доктора и его жену посадили, как военнопленных, под домашний арест в их домике и приставили к дверям часового-габонца. Больные,

приплывавшие сюда за сотни миль на пирогах, больше не получали помощи. Причину этой жестокости трудно было объяснить габонцам или кому бы то ни было. А. Швейцер отметил, что этический авторитет белых стремительно падал в связи с войной. Доктору не разрешали лечить и даже не позволяли выходить из дому. Неожиданно для себя он оказался за письменным столом. Он хотел воспользоваться вынужденной передышкой и взяться за исследования об апостоле Павле. Однако мысль его от раннехристианской общины неизменно возвращалась к смятению XX века. Он мучительно думал о том, что происходит сейчас в Европе.

Вскоре Швейцер начал работать над книгой по философии культуры, той самой, которую задумывал ещё пятнадцать лет назад, в Берлине, над которой думал в Париже. Тогда он полагал назвать ее «Wir Epigonen»: мы эпигоны, мы наследники, мы последыши. Наметки для этой книги были у него давно, а четыре года назад лондонский издатель даже просил его написать такую книгу для английского издательства. И теперь А. Швейцер вдруг ощутил, что не может больше откладывать. Тема жила, она томила невысказанностью, мучила по ночам, и ему сперва большого труда стоило войти в спокойный, «солидный» стиль, присущий всем его философским исследованиям.

В ноябре 1914 г. Ш.-М. Видор выхлопотал доктору и его жене освобождение из-под стражи. Снова стали прибывать пациенты с записочками от местного начальства, милостиво разрешающими врачу обслужить страдальца. Протесты местного населения против бессмысленного, теперь уже не полного, запрета тоже сделали своё дело. Потянулись по реке Огове пироги. Спешили носильщики из джунглей. Габонцы приходили семьями, приносили страждущих. Они несли к безотказному доктору, прозванному священным именем Оганге, свои язвы, свои раны, свои мучительные боли. В раздираемом враждой человечестве Швейцер обнаружил великое основание для общности - единство страдания, братство боли. Это «братство тех, кто отмечен Знаком Страдания», кто познал боль. Глаза тех, кто испытал боль, открылись, эти люди должны оказать помощь всё ещё страдающему собрату». «Каждое утро, отправляясь в больницу, я ощущаю как невыразимую милость тот факт, что в то самое время, когда стольким людям приходится по долгу их службы причинять другим страдание и смерть, я в состоянии творить добро и способствовать спасению человеческих жизней. Это чувство помогает мне бороться с любой усталостью», - писал А. Швейцер.

Летом 1915 г. работа Швейцера над философской книгой вступила в новую фазу. Он анализировал симптомы упадка культуры и способы её восстановления, но философская мысль его беспокойно толкалась в новые двери [Носик Б.Н., 1971]. Да, конечно, дух и этическое мышление должны одержать верх. Но каково будет это новое

мышление? И почему не разработать самому основополагающие идеи этого мышления? «Почему не перейти к конструктивной части?». В течение двух лет А. Швейцер продуктивно совмещал практическую медицинскую деятельность с философскими изысканиями – свою книгу он теперь решил назвать «Ehrfurcht vor dem Leben» (*уважение к жизни* – нем.), под таким названием она была опубликована.

В сентябре 1917 г. он промывал рану и с беспокойством поглядывал на длинный ряд пациентов, сидевших в тени. В это время привезли приказ из центра провинции Либревиля. Цивилизованная французская держава на вершине своей военной мощи решила изменить меры пресечения по отношению к «опасным немецким интернированным» - доктору Швейцеру и его жене. Предписывалось немедленно, на первом же пароходе, доставить их в Европу, в лагерь военнопленных. Доблестные генералы из военного министерства, ведавшие спасением цивилизации, настаивали на крайней срочности мероприятия.

В день, когда за супругами Швейцер подошел пароход, неожиданно выздоровел тяжёлый пациент. Он вдруг встал, подошел к супругам и начал странный, древний танец. Швейцеру подумалось, что именно так танцевал библейский царь Давид перед ковчегом завета. Старый африканец избавился от боли. Он выражал в танце свою благодарность доктору Оганге и Жене доктора. Это было фантастическое зрелище. Потом старик гладил руки доктору и говорил: «Акева! Акева!» (спасибо) [Носик Б.Н., 1971].

В Бордо супругов отвезли в пересыльные казармы. Относительная чистота Европы оказалась для Швейцера губительней демонстративной нечистоты Африки - он заболел, наверное, впервые после своего болезненного младенчества. У него началась дизентерия, которую он сам лечил эметином. Затем их перевезли в Гарэсон, старинный монастырь в Пиренеях, где теперь размещался лагерь для интернированных штатских, имеющих подданство враждебных стран. Когда-то монастырь славился исцелением больных, и слово «гарэсон» было провансальским вариантом французского «герисон», что означало «исцеление». Супруги Швейцер и впрямь почувствовали себя лучше в живительном воздухе Пиренеев. Лагерь представлял собой удивительное сборище людей, согнанных со всех концов света за полуразрушенные стены старинного монастыря. Несмотря на обилие специалистов в лагере, А. Швейцер оказался, как ни странно, единственным врачом в Гарэсоне. Поначалу начальник лагеря запрещал пленному врачебную практику, надеясь на помощь местного деревенского врача. Впоследствии он, впрочем, передумал и даже предоставил в распоряжение доктора отдельную комнатку для приёма. Больных оказалось много. Особенно успешно лечил Швейцер тропические болезни у бывших жителей колоний и матросов.

У новоявленного лагерного доктора прибавлялось работы, а времени на философские сочинения оставалось меньше. Тянулись месяцы заключения, и всё чаще заключенные приходили к доктору с жалобами на болезни. Доктор А. Швейцер внимательно наблюдал разноликие проявления горя в лагере. Были люди, которые почти физически ощущали свою несвободу. Швейцер видел, как от подъема до отбоя кружили они по монастырскому двору, глядя за стены на сверкающую цепь Пиренеев. У них не осталось внутренней энергии, чтобы заняться хоть чем-нибудь. Если шёл дождь, они безучастно и вяло толпились в коридорах. Большинство из них страдало от истощения, потому что однообразная (хотя и не такая уж плохая) лагерная пища им надоела и они совсем потеряли аппетит. Многие страдали от холода, потому что здания нельзя было отапливать. Для этих людей, ослабевших душой и телом, всякая болезнь была губительна. Они шли к доктору, и ему нелегко было определить характер их заболеваний, потому что они были к тому же ещё и подавлены, жаловались на утрату всего, что имели. У этих людей не было надежды, не было будущего. Что они будут делать, когда откроются ворота лагеря? У них были французские жены и почти французские дети. Их работа была во Франции, а теперь им придется уехать. Современная цивилизация не считалась с человеком, отказывала ему в праве выбирать место для жилья, и медицина была тут бессильна.

Весной 1918 г. супруги Швейцер были переведены в специальный лагерь для эльзасцев в Сан-Реми-де-Прованс. Здесь здоровье доктора и его жены становилось всё хуже. А. Швейцер ловил себя на том, что у него временами появляется то же чувство бесперспективности и безнадежности, какое он сам не раз отмечал у доходяг лагеря Гарэсон. Но он по-прежнему работал над набросками к своей философской книге, разрабатывал обоснование фундаментального принципа морали, философский компас для нового, по-настоящему человеческого развития стран и народов. Он рассуждал о гуманизме, который, по его мнению, заключается в том, что человек не должен бездумно быть принесен в жертву цели, ибо человек есть, в конечном счёте, *цель гуманизма*.

Война подходила к концу. В ночь на 12 июля 1918 г. заключённых вдруг подняли с постелей и объявили, что получена телеграмма об их обмене. Их привезли в Тараскон, где в каком-то пакгаузе пришлось дожидаться прибытия поезда. Альберт и Елена Швейцеры довольно слабо держались на ногах, а багажа у них было очень много - книги, инструменты, записи. Когда подошёл поезд, какой-то бедняк, один из лагерных пациентов доктора, вызвался им помочь. У него не было с собой ничего, даже котомки, и он стал таскать вещи вместе с доктором под жаркими полуденными лучами. Поезд шёл к Швейцарии и становился всё длиннее. На швейцарской границе ждали телеграммы. Наконец, была получена телеграмма, что с той стороны тоже пришел поезд - можно меняться.

Утром 15 июля 1918 г. они прибыли в Цюрих, и здесь супругов Швейцер, к их изумлению и радости, встречали профессор Майер и Роберт Кауфман, всю войну снабжавший А. Швейцера книгами по философии. Друзья уже много дней и даже недель ждали здесь Альберта и Елену. Потом была немецкая граница близ Констанца. Впервые они увидели то, о чем столько слышали: по улицам ходили бледные люди, едва волочившие ноги от голода. В Констанце их встретили родители Елены. Её отпустили сразу, и она уехала в Страсбург. Швейцер же вместе с другими пленными должен был дожидаться ещё сутки - до окончания всех формальностей. Он добрался в Страсбург только на следующую ночь. Город лежал безмолвный, затемнённый: опасались воздушных налетов. На улицах, в домах - нигде ни огонька. Бреслау жили в пригороде, куда было сейчас уже не добраться. Альберт Швейцер взволнованно брёл по темному городу, где у него было столько друзей - его учителей, его коллег, его учеников. Наконец он увидел черную громаду коллегиума Вильгельмитанума, и сердце его забилося сильнее. Рядом стоял дом его преданного друга - фрау Анни Фишер. В эту дверь и постучал сын истерзанной Европы после пяти лет скитаний [Носик Б.Н., 1971].

С трудом добрался он потом и до Гюнсбаха, который находился в зоне военных действий. Поезда ходили теперь только до Кольмара. Швейцер прошёл пешком десять миль, и это было грустное путешествие. На вершинах Вогез стояли неприятельские батареи, и дорога была прикрыта железными сетями и соломой. По сторонам дороги виднелись пулеметные гнёзда и дома, разбитые артиллерийским огнём. А. Швейцер смотрел на родные горы - и не узнавал их: там, где шумели листвой чудесные буковые леса, теперь зияли грязные плечи и обгорелые пни. Со школьных времён Швейцер знал этот кусок дороги от Мюнстера, веселую лесную дорогу среди гор и птичьего щебета. Теперь здесь слышался непрерывный глухой гул артиллерийского обстрела: стреляли в людей, в их дома, в мужчин, женщин, детей, скот. По деревушке сновали солдаты, офицеры и крестьяне. Гюнсбах был ближайшей к траншеям деревней. Престарелый пастор Луи Швейцер так привык ко всему этому, что не мог уже вспомнить, когда он жил в своём доме без господ офицеров. Он притерпелся ко всему и даже не лазил во время обстрела в надежный подвал пасторского дома вместе с остальными жителями деревни. Он сидел у себя в кабинете, читал и ждал. Чего ждал этот старый спокойный человек? Что его сын вернется из своих горемычных странствий? Что смерть придёт к нему неожиданно, как пришла к его молчаливой супруге? Что пушки перестанут грохотать и люди успокоятся, наконец?

В гюнсбахском доме, где тихо сидел за столом старый пастор, ещё витал материнский дух, которая погибла, попав под копыта солдатской лошади. Её больше не

было в доме, но она была, была в памяти детей, в их характерах, в неукротимой воле старшего сына. Её дух был жив в нём. В этой обстановке здоровье Швейцера сдало. Он надеялся, что воздух родной долины излечит его, но в Гюнсбахе ему становилось всё хуже. В конце августа его начало лихорадить, появилась мучительная боль. Он сам установил диагноз, решил, что ему срочно нужна операция, и ушёл из дому, поддерживаемый Еленой. Они шли к Кольмару и успели уже пройти шесть километров, когда их подобрала крестьянская телега, которая довезла их до поезда. 1 сентября 1918 г. профессор Штольц сделал ему операцию.

Доктор Швейцер лежал в больнице, и мысли у него были невеселые. Елена ждала ребенка. Страсбургский университет был закрыт, а ему нужно было зарабатывать на жизнь. Кроме того, за ним еще остались долги - Парижской миссии и друзьям, помогавшим ему в военные годы. Наступили тяжкие времена. Вряд ли теперь кто-нибудь в целой Европе поддержал бы предприятие вроде Ламбарене. А он лежал после операции на больничной койке и думал о нём.

Когда А. Швейцер поправился, бургомистр Страсбурга Швандер, старый приятель по студенческому кружку, предложил ему место врача в муниципальной больнице. В ведении доктора Швейцера были теперь две женские палаты в кожном отделении. Одновременно А. Швейцер трудился над своим исследованием религии и этики. Тогда, накануне рождества 1919 года вдруг пришло письмо из Швеции в официальном конверте. Это была первая весть о спасении и надежде, хотя Швейцер, конечно, ещё не сознавал этого. Архиепископ Швеции Натан Седерблом разыскал доктора А. Швейцера в эту трудную минуту жизни и пригласил его с женой погостить у себя дома, а также прочесть сразу после Пасхи курс лекций в университете Упсалы. Швейцеру предоставлялось самому выбрать тему лекций, желательно только, чтоб они были связаны с проблемами этики. А Швейцер не мог, конечно, предвидеть, что письмо Седерблома было предвестием его зарождавшейся мировой славы и будущего успеха Ламбарене. Но у него было смутное ощущение, что ещё не все потеряно, что он ещё увидит Габон. Впрочем, это была мысль, загнанная глубоко внутрь, в тайники его души, которая умела быть такой сдержанной и стала ещё сдержанней в холодных ночах Сан-Реми и полунищих днях в Страсбурге. И всё же доктор был весел в то Рождество за семейным столом. Он без конца потешал жену и гостей забавными историями, как, бывало, потешал своё семейство пастор Луи Швейцер в добрые старые времена.

Вскоре А. Швейцеру исполнилось сорок четыре года. В день его рождения Елена родила ему дочь, которую супруги назвали Реной. Это был уже 1919 год. Швейцер работал в страсбургской муниципальной больнице и даже Елене, наверное, не мог бы

признаться, что думал о Ламбарене. Теперь Эльзас вошёл в состав Франции, и супруги Швейцеры приняли французское гражданство. Тем не менее, в это время А. Швейцер часто приходил к мосту через Рейн, настолько часто, что пограничники и таможенники стали принимать его как своего. Он приносил рюкзак с провизией для друзей с германской стороны. Там царил голод, и он пытался выручить из беды фрау Козиму Вагнер и старенького художника Ганса Тома. Безумию мира могла противостоять только доброта человека.

В Страсбурге Альберт Швейцер прочитал две проповеди (16 и 23 февраля 1919 г.) в церкви св. Николая, в которых впервые публично высказал идею благоговения перед жизнью. «Мы хотим постичь сущность нравственного, чтобы выводить из неё как из высшего закона все нравственные поступки, - утверждал пастор. – Хорошо, но разве в нравственности есть хоть что-нибудь, что поддаётся постижению? Разве она не в нашем сердце? Разве она покоится не на любви? Нам повторяют это на протяжении двух тысяч лет – а каков результат?». В этих проповедях Швейцер-богоискатель и Швейцер-рационалист естественно сосуществовали и дополняли друг друга. Рационализм не изменял теологии, проповедник просто привёл философские доводы, чтобы поддержать религиозные позиции [Steffahn H., 1979]. Затем, используя материал этих проповедей, он написал эссе «Этика сострадания».

К этому времени относился еще один вид деятельности Швейцера, почти не упоминаемый биографами: он редактировал «Церковный вестник Эльзас-Лотарингии». На страницах этой газеты Швейцер старался утешить своих соотечественников-эльзасцев, напомнить о путях надежды. «Что сказать об ушедшем годе? - писал он в новогоднем номере газеты. - Это было тяжелое время для всех нас, может быть, самое тяжелое...». В одном из номеров «Вестника» редактор А. Швейцер вдруг высказал сочувствие к революционерке Розе Люксембург, которую церковь считала исчадием ада. Конечно, Швейцер не был революционером, но комментируя тюремные записки Р. Люксембург, он отметил её милосердие к животным, разглядел в ней «благородную душу». Впрочем, и это прозвучало диссонансом в дружном хоре ненависти [Носик Б.Н., 1971].

20 апреля 1920 г. супруги Швейцеры приехали в Упсалу, и сразу у Альберта Швейцера начались лекции. Общение с габонскими пациентами приучило его говорить через переводчика. Он говорил короткими, ясными, четко выстроенными фразами. Теперь воспрянул духом, потому что он снова был учёным и теологом. Активной его натуре нужен был отклик, и он услышал его в этой мирной стране, на островке мысли, чудом уцелевшем в обездоленном мире. Пять лет он писал о проблемах этики и культуры, двадцать лет вынашивал свои наблюдения над крахом бездуховного и бездумного прогресса. Теперь Швейцер видел, как его слушают, ощущал понимание: для него после всех неудач и скитаний это было сейчас очень важно.

Архиепископ Седерблом был человек умный, чуткий и бесконечно добрый. Ему понравился этот эльзасец, одухотворенный, смелый, одержимый своими идеями, многосторонне талантливый - то вдруг бесконечно гордый своим призванием, то очень смиренный и скромный, общительный, остроумный, вдумчивый и меланхоличный. Архиепископ понял, что А. Швейцера тяготит что-то, в чём он не хочет признаться; и поскольку архиепископ был великим исповедником чужих горестей, ему ничего не стоило вынудить признание у своего благодарного гостя. Они шли на прогулку - вдруг хлынул тёплый летний дождь. Архиепископ Седерблом развернул зонтик, и они пошли совсем рядом, под одним зонтом. Вот тогда Швейцер и признался собеседнику, что есть нечто, о чем он думает всё время. Это - Ламбарене... Он знает, что на пути его тысячи препятствий, вероятно непреодолимых. Одно из них, может главное, - финансовые трудности: он не расплатился с долгами, взятыми в войну на расходы ламбаренской больницы. Архиепископ подумал и сказал, что это дело нелегкое, однако вполне осуществимое, и Швеция здесь может помочь. Швеция не обнищала в войну, а, напротив, разбогатела. Тем больше оснований ей теперь раскошелиться. Архиепископ считал, что нужно организовать лекционное турне по Швеции. Лекции сопроводить органными концертами и рассказать о больнице в джунглях [Носик Б.Н., 1971].

Архиепископ Седерблом сам разработал маршрут поездок и сам написал А. Швейцеру рекомендательные письма во все города. Его сын, студент Элиас Седерстром предложил Швейцеру свои услуги в качестве гида и переводчика. Они поехали вместе. Молодой студент зажегся идеей лесной больницы в джунглях. Он мгновенно подхватывал фразу лектора и переводил её на шведский с большой убежденностью и страстью. Прошло две-три недели турне, и А. Швейцер уже мог выплатить большую часть своих долгов.

В том же году у Швейцера завязалась переписка с Цюрихским университетом. Цюрихские теологи хорошо знали его работы, и в 1920 г. Цюрихский университет присвоил Швейцеру звание доктора теологии. Тогда же ему намекнули, что он может получить кафедру в Цюрихе. Это было заманчивое предложение - снова работа, наука, музыка, прекрасная мирная страна. Они с Еленой и раньше уже не раз подумывали о Цюрихе. Однако теперь, когда вдали неясно забрезжила надежда на раскалённое, душное, изнывающее от боли Ламбарене, А. Швейцер отказался от всех притязаний на собственное устройство и на профессорскую должность.

Лекции и баховские концерты снова смогли ему помочь заняться подготовкой к поездке в Ламбарене, как некогда помогла книга о Бахе. В июле 1920 г. Швейцер вернулся в Гюнсбах после утомительного, насыщенного трудами шведского турне. Он вернулся совсем здоровый, окрыленный надеждой и сел за книгу об Африке. Швейцер писал о

Братстве Боли. Тайная связь объединяет людей, познавших боль. Это великое братство всех, на ком Знак Страдания, должно прийти на помощь страдающим африканцам. А. Швейцер с простотой писал о себе и своих планах; он раскрывался людям и ждал помощи в отчаянной надежде снова служить самым обездоленным: «Я не падаю духом. Беды, свидетелем которых я был, придают мне мужества, а моя вера в будущее поддерживается моей верой в собратьев-людей. Я надеюсь, что мне удастся найти достаточное число людей, которые, избавившись сами от физического страдания, откликнутся на зов тех, кто страдает сейчас». Так заканчивалась эта книга.

Она вышла сначала в Швеции в 1921 г. В том же году она вышла в оригинале в Берлине, а потом в английском переводе в Лондоне, во французском - в Париже и в других странах. Немецкое её название - «Между водой и девственным лесом» - отражало так сильно поражающий воображение Швейцера ландшафт Ламбарене, на фоне которого разворачивались его медицинские и философские труды, - просторы бесконечных первобытных лесов и раздольных вод Огове, кишаших жизнью. Эта книга завербовала в лагерь Ламбарене немало сторонников нового, всемирного Братства Боли. Кроме того, она принесла гонорары, поглощённые, как и все прочие заработки Швейцера, новым походом против боли.

Осенью 1920 г. А. Швейцер надолго уехал из отчего дома в Эльзасе. В начале осени он читал лекции в Швейцарии - о проблемах этики, религии и раннего христианства. Потом, в ноябре, выступал с лекциями и концертами в Швеции, а из Швеции впервые поехал в Англию, где у него было теперь было столько поклонников, корреспондентов, друзей. Он читал лекции по философии в Оксфорде, потом в Бирмингеме, в колледже Селли Оук.

В философских занятиях, лекциях и концертах прошло ещё два года. Летом 1922 г. Швейцер в родном Гюнсбаха спокойно работал над своей книгой о философии культуры. Первая часть была уже почти готова для печати. Она называлась «Упадок и восстановление культуры». В этой начальной части своей «Философии культуры» он анализировал взаимоотношения культуры и мировоззрения.

Осенью 1922 г. А. Швейцер совершил лекционное турне по Швейцарии. Зимой по приглашению Копенгагенского университета он поехал в Данию. После лекции в столичном университете у него были организованы концерты и лекции в других датских городах, много концертов и лекций, приближавших его отъезд в Африку. После зимнего турне по Дании, в самом начале нового, 1923 г., А. Швейцер был приглашен в Чехословакию. Концерты и лекции Швейцера в Чехии, Богемии и Моравии прошли с большим успехом. Он выступал в Карловом университете и перед собраниями чешских и моравских братьев, потомков доблестных гуситов. Впоследствии чехословацкие общины активно поддерживали его больницу, так же как, впрочем, и общины Эльзаса, Швеции,

Дании, Швейцарии, Англии. К моравским братьям А. Швейцер относился с большой симпатией. В начале 1920-х годов, когда здоровье его жены Елены потребовало перемены климата и врачи сказали, что ей полезен был бы горный воздух Шварцвальда, Швейцер перевез жену с дочкой в деревушку Кенигсфельд, где большую часть жителей составляла община моравских братьев. И вот, когда Рена несколько повзрослела, А. Швейцер с готовностью доверил моравским братьям её воспитание.

В 1923 г. доктор Швейцер уже закупал медикаменты, бинты, инструменты и всё необходимое для новой поездки в Ламбарене. Он не только расплатился с долгами - он снова собрал средства, необходимые для работы больницы. Европа звала его: приходили приглашения на курсы лекций в университеты, на концерты органной музыки. Но он уже мог ехать в Африку и потому не желал больше оставаться в Европе. Наряду с многочисленными делами А. Швейцер проходил курсы усовершенствования в различных отраслях медицины. Он снова занимался гинекологией в Страсбурге, изучал тропическую медицину в Гамбурге. В это время вышла его книга о пережитом в Африке - «На краю девственных лесов». Деловито, скромно рассказывал Швейцер о работе врача в джунглях, которая была для него не показным самопожертвованием на людях, а выполнением внутреннего долга. Эта книга стала обличение колониализма.

14 февраля 1924 г. он оставил в Страсбурге болевшую жену Елену и пятилетнюю дочку Рену. Вместе с Ноэлем Гилеспи, английским студентом, его добровольным помощником, доктор выехал в Бордо. Вскоре на французском пароходе «Орест» они плыли в Африку. А. Швейцер перебирал в памяти прошедшие семь лет отчаяния и борьбы. Он рад был, что едет, но к этой радости по временам примешивалась грусть: «Удовлетворение моё безгранично, - писал он в первом письме с борта "Ореста". - Мысли мои возвращаются к той первой поездке, когда жена, мой верный помощник, плыла со мной. Я не перестаю мысленно благодарить её за жертву, на которую она пошла, согласившись на моё возвращение в Ламбарене при подобных обстоятельствах».

В Ламбарене Швейцер застал полное запустение. Территория больницы заросла. От некоторых строений остались лишь стены. Можно было бы начинать работу, но без крыши на больных будет лить дождь, а сверху проникать беспощадное солнце. Прежде всего нужно было установить крыши. Африканские строения кроют матами или циновками, сплетёнными из бамбуковых палок, к которым пришиты листья пальмы-рафии. Нужно было срочно достать циновки. Теперь их больше не плели в деревнях. Габонцы сами сидели в дырявых хижинах, потому что всё работоспособное население ушло на лесозаготовки. Это не значило, что африканцы больше не болели. Напротив, больных стало ещё больше. Однако в деревнях невозможно было найти работника, чтобы сплести циновки.

А. Швейцер и его молодой помощник Ноэль сели в лодку и отправились по деревням. Они ходили из дома в дом. Несмотря ни на что доктор набрал шестьдесят четыре циновки, и под проливным дождем смертельно усталые Швейцер и его помощник привезли их в миссию. Они сразу начали латать крышу в домике из рифленого железа. Только когда совсем стемнело, доктор без сил свалился на койку.

«Я в полном отчаянии, - писал А. Швейцер, - в часы, которые я мог бы отдать больным, требующим срочного лечения, или домашней работе, я разъезжаю в лодке и охочусь за циновками». Как трудно заставить родственников пациентов и самих выздоравливающих помочь ему в работе. Он рассказывал им о благе будущих пациентов, но они были глухи к этим абстракциям.

Тем не менее Альберт Швейцер одновременно лечил и строил. Его могучее здоровье ещё не восстановилось, и он часто ощущал слабость. А забот всё прибавлялось. Например, ему негде содержать буйного помешанного. Надо срочно строить палату с замком. Много времени и средств уходило на снабжение пациентов пищей. Через несколько дней лечения запасы, приносимые пациентами, иссякали. Швейцер отпускал им тогда по шестьсот граммов риса, щепотке соли, по десятку больших бананов, полдюжины стеблей маниоки да ещё немного растительного (или пальмового) масла.

В середине мая А. Швейцер почувствовал вдруг такую слабость, что не мог выписывать лекарства. Виновата была дырявая крыша: солнечные лучи, пробившись сквозь щели, свалили с ног могучего доктора. Он оправился, но уставал по-прежнему и, приходя из больницы, в изнеможении валился на койку. Только его сила воли, его здоровье, его одухотворенность и его чувство юмора помогали выстоять [Носик Б.Н., 1971].

С пациентами было всё труднее сладить. Раньше в больнице пациентами были большей частью пахуаны и галоа. Теперь уже было невозможно одновременно что-либо объяснить, потому что больные говорили на дюжине разных наречий. Неумение объясниться часто оборачивалось трагично. Кроме того, больные с лесозаготовок не соблюдали даже самых простых больничных правил: они крали птицу у миссионеров, бросали отходы где попало, и опаздывали всюду.

Летом 1924 г. приехали медсестра Матильда Котман, ставшая впоследствии правой рукой доктора, и молодой энергичный миссионер из Швейцарии. Через месяц, несмотря на запрещение доктора, миссионер и Ноэль решили искупаться в незнакомом озере, и миссионер погиб. Причина его гибели неясна, потому что он был отличный пловец: вероятно, на него напал крокодил или электрический скат. Доктор тяжело переживал эту гибель. При этом он натерпелся страху и за Ноэля, за которого перед отъездом поручился его матери. Ноэль уехал в августе: ему пора было на учебу [Носик Б.Н., 1971].

В эти тяжкие месяцы, когда число пациентов неудержимо росло, Швейцер всё ещё оставался здесь единственным врачом и по-прежнему валился с ног в конце дня. Он много раз писал в Европу, звал к себе врачей, и его мечта о помощнике сбылась даже раньше, чем он ожидал. 19 октября 1924 г. к Ламбарене подошел старый пароход «Алемб» из Порт-Жантиля. На борту его находился первый врач - помощник А. Швейцера, его соотечественник - Виктор Нессман, сын эльзасского пастора. Он был соученик Швейцера по Страсбургу. «Помощь пришла как раз вовремя, - писал А. Швейцер. - Вряд ли я хоть день выдержал бы ещё двойное бремя врача и строителя. Как я страдал оттого, что не могу оказывать должного внимания пациентам!.. Так что гудок речного парохода, привозящего моего соотечественника, означал освобождение от страшного груза врачебной работы, которая при всех моих добрых намерениях была поневоле несколько поверхностной». Вернувшись во Францию в конце 1930-х годов, Нессман был арестован и замучен фашистами.

Коллега разгрузил Швейцера в больнице, и теперь он иногда целые дни проводил на стройке. Сам работал и сам следил за работой. Ему приходилось набирать «добровольцев» из родственников его пациентов и из самих выздоравливающих. «Добровольцы» прятались от доктора, а в дожди вообще никого нельзя было заставить работать, потому что дождливый день - это дарованный богом день отдыха в этих местах. И как ни сердился доктор, он не мог не признать правоту своих пациентов: малейшая простуда вызывала у них приступы малярийной лихорадки. На стройке у А. Швейцера появляется новый товарищ и работник - плотник Монензали. Он привез в больницу жену, которая страдала сонной болезнью, она была совсем беспомощна, и Швейцер отмечал, с каким трогательным терпением ухаживал габонец за женой. В свободное время он строил для больницы небольшой трехкомнатный домик.

К концу года старые язвы на ноге Швейцера, усугубленные царапинами, полученными на стройке, не позволяли ему ходить, но он не хотел оставаться дома, и его относили в больницу, где он вёл приём, а потом переносили дальше, на строительную площадку, где он давал необходимые распоряжения.

В эту пору напряжённейшего труда после Рождества А. Швейцеру исполнилось пятьдесят лет. В душном климате Ламбарене европейца, дотянувшего до сорока семи, отправляли по закону на пенсию. Но Швейцер не выслуживал пенсию. Его служение было иного характера, и потому он вторично приехал в Африку в возрасте сорока девяти лет.

В марте в больницу приехал на работу врач-хирург из Швейцарии Марк Лаутенберг. Вскоре в Ламбарене неожиданно объявился другой доброволец из Швейцарии - плотник Шатцман: он узнал, что доктору нужны плотники, и приехал без

всякого предупреждения поработать. Впрочем, вдвоём с Монензали им всё равно было не справиться, и А. Швейцер в который раз сетовал на систему колонизации, при которой африканцев учили грамоте, но не учили ремеслам.

В мае 1925 г. Швейцер и его сотрудники узнали, что на лесоразработках к северу от озера Азинго разразилась эпидемия дизентерии. А. Швейцер и доктор Нессман поехали туда и провели там сутки - лечили, консультировали, снабжали лекарствами. Потом, забрав с собою самых тяжелых больных, вернулись в Ламбарене. Но в мае они ещё не могли предвидеть размеров надвигавшегося бедствия. Наоборот, как будто даже появился просвет впереди. Шатцман начал строить десятикомнатный дом. На стройку пришло несколько новых помощников, и у доктора появилась надежда, что к осени он в основном достроит больницу и сможет по вечерам заниматься философией, сможет, наконец, перевести дух.

Но июнь принес новые тревоги: «К концу июня подозрительно увеличилось количество больных дизентерией, и мы не знаем, куда нам класть этих страдальцев», - писал Швейцер. Вскоре стало ясно, что надвигается огромное бедствие. Большинство больных теперь составляли работавшие на лесозаготовках бенджаби и другие выходцы из глухих верховьев Огове.

«Что за трагедия, - восклицал доктор, - найти это полуживое от голода существо, лицо которого выдает в нём дикаря из верховьев, простертым у наших ворот с ничтожным узелком пожитков! Хотя мне часто приходилось видеть это зрелище, оно каждый раз трогает моё сердце. Охватывает невероятная волна сострадания к бедняге чужаку. И как часто сострадание это бывает бессильным, потому что видно с первого взгляда, что бедняга пришелец отдаст здесь душу вдали от родных, которые ждут назад и его самого, и денег, которые он должен был здесь заработать». Доктор Швейцер подбирал подброшенных ему бенджаби, но это приносило новые трудности. «Полное отсутствие дисциплины среди них делает работу больницы настолько трудной, что самый вид их пробуждает в моём сердце смешанное чувство сострадания и отчаяния», - писал врач-гуманист. Он и доктор Нессман всё-таки лечили дизентерию. Лечение шло довольно успешно, несмотря ни на что, но каждый день им привозили новых больных. И вдруг новое страшное известие: в верховьях - голод.

Вначале А. Швейцеру удавалось оберегать своих пациентов от голода, но куда более сложное стало в этих условиях бороться с дизентерией. «Все мы утомлены и подавлены напрасными попытками остановить нарастающую эпидемию дизентерии в больнице, - писал Швейцер. - Несколько больных, которые пришли к нам с другими заболеваниями, заразились здесь дизентерией, и некоторых из них мы не смогли спасти от смерти.

Многих больных, которые уже должны были выписаться после операции, постигла та же участь. С какой тревогой спрашиваем мы в палатах каждое утро, не заразился ли кто-нибудь дизентерией! И если кто-нибудь приходит ко мне в больницу, чтобы довериться моему скальпелю, я содрогаюсь от страха: не падёт ли потом этот больной жертвой дизентерии?»

Осенью Пражский университет обсуждал присвоение Альберту Швейцеру почетной докторской степени в области философии. Но самому Швейцеру было сейчас не до философии, потому что эпидемия не унималась, а голод достиг размеров, весьма опасных для деятельности больницы. Ни больные, ни их родственники не спешили теперь уходить, а Швейцер не мог гнать их за ворота на голодную смерть. В больнице становилось всё теснее. В одно утро они обнаружили еще 6 человек, которые заразились у них. Теснота давно уже стала опасной.

В октябре из Эльзаса приехала давняя знакомая А. Швейцера учительница Эмма Хаускнехт, ставшая в больнице сестрой-хозяйкой. В этот трудный 1925-й год, когда физическая слабость и отчаянье так часто подстерегали доктора, он вдруг принял решение, которое показалось бы неожиданным для всякого другого человека. Действительно, о чём может мечтать пятидесятилетний европеец, измученный язвой на ноге и последствиями собственной дизентерии, обессиленный бесконечными бедами, нестерпимой габонской духотой, зачастую почти полным отсутствием контакта с пациентами, невозможностью заниматься умственной работой хотя бы по вечерам? Вероятно, о каком-либо просвете в этой «ужасной прозе» Африки, в изнуряющей работе... О жизни в Шварцвальде с женой и дочерью Реной, о работе над новой книгой. О лекции в Праге, где он был теперь почетным доктором философии и где жили его друзья? Всё это было бы естественно, но было бы не по-швейцеровски [Носик Б.Н., 1971].

И вот в год несчастий, в год изнурительной борьбы с эпидемией, с голодом, с собственной болезнью и усталостью, накануне долгожданного отпуска, который он планировал на эту зиму, Швейцер вдруг принял решение начать новое строительство. Не просто строительство нового корпуса, а строительство совершенно нового больничного комплекса, на новом месте, вдали от старой больницы, так далеко, что он даже не сможет воспользоваться старыми строениями, стоявшими таких трудов.

Он шёл к этому решению исподволь, но эпидемия подтолкнула его мысль и придала ему решимости. Если бы у него были изоляторы, был отдельный корпус, он остановил бы эпидемию, смог бы избежать многих страданий, а может, и многих смертей. Здесь, на старом месте, его стройка всё ближе подходила к школе и к жилым зданиям миссии. Здесь у него не было специального помещения для психических больных. У него не было даже морга, и мертвый оставался лежать рядом с живыми, пока доктор хлопотал,

улаживая нелегкие проблемы африканских похорон. Он не мог разместить в своей больнице африканский обслуживающий персонал: все, кроме Джозефа и повара Алоиса, ютились по углам. Он, наконец, не мог больше полагаться только на привозную пищу. Ему хотелось развести небольшую плантацию, посадить маис и застраховать пациентов от последствий извращённого хода современного экономического развития. И на исходе невыносимо трудного 1925 года, А. Швейцер один, в усталой тишине своих вечеров принял решение построить новую больницу на новом месте и стал совершать всё более далекие прогулки по окрестностям, выбирая участок.

Он разыскал наконец невысокий холм на берегу Огове, выше Ламбарене. Позднее Швейцер так описывал этот холм: «Называется он Адолинанонго, что значит "Взирающий на народы". Он заслуживает это название, потому что с холма видно далеко вокруг... На широкой вершине этого холма лежала некогда большая деревня короля племени галоа по имени Н'Комбе - "Король-солнце". А внизу, на самом берегу, располагалась торговая фактория английской фирмы, находившаяся под покровительством "Короля-солнца"». А. Швейцер иронически замечал по этому поводу, что и на Огове был свой «Король-солнце». Что касается английской торговой фирмы, то как раз в то время, когда доктор расхаживал по холму, обдумывая свой новый план, один из агентов фирмы писал в Йоганнесбурге книгу о своих торговых предприятиях, неизменно начинавшихся на холме Адолинанонго. (И в тот год, когда ламбаренская больница переезжала на новое место, этот человек выпустил свою книгу в Лондоне под псевдонимом Торговец Хорн с предисловием Джона Голсуорси, что доставило большую радость доктору Швейцеру).

Он не преуменьшал предстоящих трудностей. Он знал, что на долгие годы снова обрекает себя на строительную, прорабскую работу. Он понимал, что придётся расстаться с надеждой на близкий отпуск и на работу над незаконченной книгой. В начале 1926 г. А. Швейцер нанёс визит комиссару провинции, который вполне благожелательно встретил грандиозный проект самого авторитетного из местных врачей. Земля оставалась государственной, но Швейцер получил разрешение на «концессию» и мог теперь строиться на 70 гектарах, окружавших пустынный холм Адолинанонго, мог обрабатывать эту землю. Вернувшись от комиссара в приподнятом, возбуждённом настроении, доктор собрал врачей и медсестёр. Они не меньше, чем он сам, страдали от тесноты и неустроенности. Убеждать их не требовалось. И всё же, как отмечал А. Швейцер, они поначалу «онемели от изумления». Потом они разразились радостными возгласами: они были «за». Пациенты смотрели на своих врачей с изумлением («к такой бурной жестикуляции и шумному оживлению среди нас они не привыкли», - замечал доктор). «Сами только удивляемся, откуда возьмется у нас мужество начать такое предприятие», - записал в своём дневнике Швейцер.

На холме Адолинанонго начались работы. Обмеряли территорию, потом начали расчистку места под новую больницу и под плантации. Это был нелёгкий труд, но «сопротивление материала» и огромность задачи всегда вызывали у А. Швейцера душевный подъём. Он всё свободное время проводил на строительной площадке: обмерял, вбивал колышки и сваи, организовывал, уговаривал, шутил. Он призывал себе на помощь образы Гёте, о чем вспоминал три года спустя, описывая расчистку леса:

«У меня была очень разношерстная бригада рабочих из числа добровольцев-пациентов и их родственников, которых вместе свёл только случай и которые не хотели подчиняться никому, кроме "Старого Доктора", как они называли меня. Так что я вынужден был много недель и месяцев провести в лесу, наблюдая за этими своевольными рабочими... И каждый раз, когда я был близок к отчаянию, я вспоминал, как Гёте в конце книги заставил своего Фауста отвоевывать у моря землю, на которой могли бы жить и кормиться люди. Так Гёте стоял рядом со мной в топких лесах, словно улыбаясь мне с пониманием и утешая меня...»

Швейцер сам участвовал в установке свай, на которых ставились больничные корпуса, их сколачивали плотники. Здания он решил расположить с востока на запад, чтобы солнечные лучи не били прямо. Ламбарене близко к экватору, и солнце здесь очень мало продвигается к северу или к югу. Направленное расположение домов, узкие длинные здания, продольная сквозная щель между крышей и потолком - всё это должно спасать от нестерпимой жары.

Новая больница ещё строилась, а приток пациентов в старую всё возрастал. Раньше здесь лежало 40 больных, теперь размещалось уже 160. Главным образом это, конечно, были пациенты, страдающие от малярии, фрамбезии, дизентерии, проказы, сонной болезни, 15-20 коек всегда было занято хирургическими больными.

Заканчивался 1926 год, который ряд биографов Швейцера считали самым тяжёлым годом в нелегкой трудовой жизни его дела [Носик Б.Н., 1971]. Новая больница была почти готова. Теперь нужно было поспешить с переездом до наступления периода дождей: перевезти больных и всё оборудование, а также разобрать на строительный материал старую больницу.

Переезд начался 21 января 1927 г. Доктор Лаутербург наблюдал за погрузкой, остальные врачи и медсёстры продолжали приём в старой больнице, а Старый Доктор с утра до вечера буксировал по Огове доверху груженные лодки. Предстояло очень много трудностей - ещё бы, сдвинуть с места такую махину! - но записи А. Швейцера, датированные этими днями, полны ликования: «...Впервые со времени моего приезда в Африку пациенты мои размещены по-человечески. Сколько я выстрадал за эти годы из-за необходимости запихивать их в тесные, душные и темные комнатки!»

Заканчивая переезд, доктор Швейцер отвёз в последней лодке душевнобольных. Теперь у них будут палаты не с земляным, а с настоящим деревянным полом. Перед сном доктор обошёл свой новый больничный городок и слышал возгласы у каждого костра, за каждой противомоскитной сеткой: «Хорошая хижина, Доктор, очень хорошая хижина!» «Мои пациенты размещены по-человечески!» - снова и снова восклицал А. Швейцер.

Стал складываться на долгие годы больничный городок, «клиническая деревня» особого, швейцеровского типа, с культом рациональной приспособленности, но без излишних, требующих специального ухода приспособлений; клиника, где соблюдался допустимый максимум африканских бытовых традиций при максимальном внимании и сострадании к пациенту, где торжествовали принципы самоотдачи, самоотверженного служения человечеству и высокий дух этого служения.

В апреле 1927 г. в Ламбарене приехала англичанка Лилиан Рассел, написавшая недавно книгу о швейцеровском пути восстановления цивилизации. Она очень хотела быть полезной для больницы, и Швейцер поручил ей наблюдение за строительными работами, с этими функциями она блестяще справлялась. Теперь доктор Швейцер мог уехать в Европу. В последние недели он ещё помогал строить навес для лодок и ставить сваи для большого, 5-комнатного дома, где будут жить врачи и медсёстры. К середине лета были оборудованы новые палаты, и больница теперь могла вместить до 200 человек, так что были даже резервные места. Альберт Швейцер уезжал, победив и на этот раз в неимоверно трудной борьбе.

Он вернулся в Европу совершенно измученный. Впрочем, он недолго оставался в Кенигсфельде, в их семейном домике. В Европе было много друзей, которые не дали больнице погибнуть в самые трудные годы эпидемии и голода, и Швейцер хотел повидаться со всеми. Дома его также ждали приглашения на лекции и органные концерты. Но, прежде всего, он поехал, конечно, в Швецию, где жил Натан Седерблом. Он пробыл в Швеции с ноября 1927 г. до марта 1928 г. В марте, после поездки по Дании, он побывал в Страсбурге и Париже, где играл на органе. Потом он пробыл еще полтора месяца в Кенигсфельде, здесь все его дни были заполнены работой над книгой об апостоле Павле.

Весной он побывал в Голландии, где отвёл душу, играя на излюбленных своих старинных голландских органах. Потом посетил Англию - страну, жители которой оказали большую поддержку Ламбарене. У А. Швейцера было здесь много старых друзей, и он приобрёл немало новых. Англичанам импонировали его доброта, его рыцарские манеры, ненавязчивая и естественная церемонная старомодность, его глубокий, лишённый суетности ум, сочетавшийся с неизменным чувством юмора.

Летом доктор Швейцер снова работал над своей книгой в Кенигсфельде, засиживаясь до самого утра. Изредка он уходил на прогулку в горы Шварцвальда. Иногда маленькая Рена ходила с отцом, и он рассказывал ей об Африке, куда она поедет когда-нибудь вместе с ним и с мамой. В это время Альберту Швейцеру была присуждена Франкфуртская премия Гёте «за заслуги перед человечеством». 28 августа 1928 г., в день смерти И.В. Гёте он произнёс во Франкфурте речь о своём кумире. Вряд ли муниципалитет Франкфурта или гётевский комитет знали, что значил для Швейцера Гёте на всём протяжении жизни.

А. Швейцер решил рассказать в своей речи о своём собственном Гёте, не о гордом «олимпийце», известном миру, а о человеке, чей этический дух подвигнул его почитателя на действенную помощь страждущему человеку. Эта речь давала Швейцеру счастливую возможность выплатить свой долг И.В. Гёте, и он прослеживал здесь свою духовную связь с Гёте, начиная с самых ранних, студенческих лет [Носик Б.Н., 1971]. В своей речи сравнивал себя с крошечной планетой, которой позволено пройти перед ярчайшим светилом, каким является И.В. Гёте. А. Швейцер отмечал у Гёте очень близкую ему самому мысль о преобразующем человека чувстве вины и мысль о принципиальной незавершённости истинной философии [Абрамов А., 2010].

Премия, полученную во Франкфурте, Швейцер решил использовать на постройку Дома гостей в Мюнстерской долине, в родном Гюнсбахе. Европейец, работающий в Африке, должен раз в полтора-два года отдыхать в Европе, иначе здоровье его не выдержит. Дом в Гюнсбахе, у милого с детства подножья горы Ребберг, предназначался, в первую очередь, для персонала Ламбарене, отдыхающего в Европе, а также для доктора и друзей Ламбарене.

Осенью 1928 г. А. Швейцер выступал в городах Германии с лекциями и концертами, сборы от которых он жертвовал немецким благотворительным организациям: Германия ещё переживала свои неисчислимыя беды. В декабре он был в Праге, где читал лекции о Христианстве, о Бахе и о больнице в джунглях и давал органные концерты. Это были счастливые для него дни. А затем в течение почти целого года путешествовал по Европе, читая лекции и давая органные концерты. В 1929 г. Швейцер был избран почётным членом Прусской академии наук, его пригласили профессором в Лейпцигский университет.

Но в декабре 1929 г. А. Швейцер снова отправился в Африку. Вместе с ним ехали его жена Елена, новые доктор и лаборантка. Ламбарене встретило их непочатым краем забот. Оказалось, во-первых, что дизентерийным больным и теперь не хватает места. И вот целый год Швейцер вместе со своим верным Монензали строил новые палаты, новый продуктовый склад, столовую и резервуар для дождевой воды.

После завершения стройки, ему удалось написать автобиографический очерк для лейпцигского издателя, готовившего очередной том «Современной философии в автопортретах». Когда издатель выпустил этот очерк отдельной книжечкой, А. Швейцер прочитал его и остался недоволен. Он считал, что такой очерк должен дать представление об его идеях в связи с его работой в Африке, что этот очерк должен привлечь новых сторонников к идее уважения к жизни и практическому её претворению, должен завербовать новых членов великого Братства Боли. Так он начал работать над книгой «Из моей жизни и мыслей», единственной более или менее полной автобиографией Швейцера, в которой изложение событий доходило до марта 1931 г., когда А. Швейцер поставил последнюю точку, написав: «Я глубоко ценю тот факт, что я могу работать как свободный человек в то время, когда угнетающее отсутствие свободы становится уделом столь многих, и что, хотя непосредственная работа моя носит характер материальный, у меня всё-таки находится время для того, чтобы трудиться также в сфере духовной и интеллектуальной».

В 1931 г. Эдинбургский университет присвоил ему почётные степени доктора богословия и доктора музыки. Чуть позднее он был избран также почетным доктором философии Оксфордского университета и доктором права английского университета Сан-Эндрю. По инициативе Ромена Роллана Нобелевскому комитету было предложено присудить Альберту Швейцеру Премию миру. Но почести мало что меняли в образе жизни Старого Доктора. Он строил палаты и пристань, делал операции, выскребал язвы, принимал роды, сажал на прибольничных плантациях банановые и масличные пальмы.

В начале 1932 г. пришло почётное приглашение: доктора Швейцера просили прочесть юбилейное обращение на праздновании столетия со дня смерти И.В. Гёте. Все биографы Швейцера писали об этой его юбилейной гётевской речи, отмечая драматизм ситуации, в которой она была произнесена, её трагический пафос и высокие литературные достоинства. В этой речи давался не только, а может, даже и не столько портрет Гёте, сколько характеристика самого А. Швейцера, такого, каким он хотел бы видеть себя (а может, и видел). Докладчик восторженно говорил: «Гёте вызвал к жизни человечность, которую он выкристаллизовал в словах «благородный, воспомоществующий и добрый (edel, hilfreich und gut)», человечность, магия и величие которой сливаются воедино с его великолепной искренностью и естественностью. Именно потому это его чувство человечности так впечатляло всех, кто видел его свечение в удивительных глазах Гёте...».

Речь имела большой общественный резонанс. «Мы отмечаем годовщину Гёте в самый решительный час судьбы, какой выпадал когда-либо человечеству», - говорил оратор, который во время наступающего европейского ожесточения думал о страданиях африканцев, о собственной мысли человека и его собственной морали. Завершая

выступление, А. Швейцер заговорил о 1949-м годе, когда будет отмечаться 200-летие со дня рождения И.В. Гёте. Он высказал надежду, что может быть на этом юбилее оратор сможет объявить, что мрак начал рассеиваться и поколение, так глубоко погружённое в реальность, начинает справляться с социальными бедами и объединяется в своей решимости следовать идеалу индивидуальной человечности.

В это время Германия уже была больна нацизмом, и, возвращаясь из Франкфурта, Швейцер видел всё больше черт уже наступавшего кризиса, похожего на безумие, которым чревата сонная болезнь в джунглях Габона. Он предупреждал об опасности в гётевской речи, но его не хотели слышать. После Франкфурта у А. Швейцера было много концертов в Германии, Голландии, Швеции и Швейцарии. Он также посетил Англию, где давал концерты, читал лекции, репетировал без конца. Во время своих европейских «отпусков» он тоже был занят по шестнадцать часов в сутки. Поэтому в Англии один из друзей сказал ему, что нельзя так изводить себя: «Нельзя жечь свечу с двух концов». Но А. Швейцер ответил с уверенностью: «Можно, если свеча достаточно длинная».

В университете Сан-Эндрю, где он был удостоен почётной докторской степени, ему предложили ректорство, но он отказался, сославшись на незнание языка. В Эдинбурге после церемоний, на которых он был удостоен сразу двух докторских степеней, он позволил себе просто побродить по шотландским горам берегам рек. Он снова встретился с Чарлзом Эндрюсом, с которым говорил об индийской философии, её этических принципах, о непричинении зла - ахимсе (воздержание от нанесения физического вреда живым существам) - и о благородных джайнистах. Швейцер работал в это время над набросками к третьему тому «Философии культуры», посвященному этике уважения к жизни, и он с увлечением углублялся в изучение индийской и китайской мысли. Для работы над книгой он поехал в свой новый гюнсбахский дом.

Здесь Альберта Швейцера посетил его старый друг писатель Стефан Цвейг. Писатель вглядывался после долгой разлуки в лицо друга и думал о том, что человеческое совершенство встречается так же редко, как совершенство художественное. Цвейг заметил, что в волосах Швейцера прибавилось седины, но все ещё очень приятным и пластичным оставалось его лицо с большими усами и одухотворенным сводчатым лбом [Носик Б.Н., 1971].

В марте 1933 года А. Швейцер с женой и дочкой снова отплыли в Африку. Как всегда, он с волнением ждал, когда на берегу покажется больница. Выйдя на берег, он с удовлетворением осмотрел свой новый причал. А потом сразу пошли дела: операции, хозяйственные хлопоты, строительство, посадки... В больнице теперь был новый хирург - доктор Ладислав Гольдшмидт, приехавший из Венгрии. Габонцы охотно соглашались на операцию, потому что, по их мнению, это был самый решительный способ изгнать

болезнь. До 30 больных ожидали теперь очереди на операцию. Какой-то благодарный белый пациент прислал в подарок больнице большую керосиновую лампу, и в самых срочных случаях они могли оперировать даже ночью. За 1934 год в больнице Швейцера было сделано 622 крупные операции.

Осенью 1934 г. доктор Швейцер прочёл в оксфордском Манчестер-колледже курс лекций об этике и современной культуре. Для работы над лекциями ему нужны были книги, и в феврале 1934 г. доктор вернулся в Гюнсбах, где работал в тиши Дома гостей. Однако он не забывал о больничных делах, в частности провёл на себе испытание и заказал вакцину против жёлтой лихорадки.

С середины октября А. Швейцер читал свои лекции в Оксфорде и повторял их потом в Лондонском университете. Краткое резюме этих лекций, написанное самим Швейцером, появилось через месяц в американском журнале. В ноябре 1934 г. он читал в Эдинбурге лекции, посвященные главным образом этике и натурфилософии. Швейцер рассматривал здесь эволюцию человеческой мысли, начиная с великих мыслителей Индии, Китая, Греции и Персии. В Эдинбурге А. Швейцера также познакомили с коллегой, знаменитым английским врачом сэром Уилфредом Гренфеллом, который, подобно Швейцеру, уехал далеко из дому - лечить население Лабрадора.

В день шестидесятилетия Швейцера Страсбург назвал в его честь один из своих прекрасных парков. Затем некоторое время он продолжал работать над своими сочинениями в Гюнсбахе. А весной А. Швейцер решил воспользоваться полугодовым промежутком, оставшимся до нового курса лекций, и опять отправился в Ламбарене.

Больница встретила его своими обычными заботами. Доктор Гольдшмидт был по горло занят операциями. С лесоповала всё чаще привозили искалеченных: рабочих из глубинных районов: без должного страха они смотрели на подъезжавшие вагонетки и пытались остановить их рукой, лесоторговцы же думали только о своих прибылях. И доктор Швейцер с грустью отмечал, что пациентов от всех этих колонизаторских затей у него всё прибавляется и прибавляется - малярийные, покусанные, покалеченные...

По-прежнему было много отравлений, и в одном из писем А. Швейцер восклицал: «Что за жуткое место Экваториальная Африка с её бесчисленными трагедиями, в числе которых отравление играет столь заметную роль!»

В начале осени 1935 г. Швейцер вернулся в Европу. Сентябрь и октябрь он провел в Гюнсбахе, готовя английское издание своей книги о мировоззрении индийских философов. В предисловии к этому изданию А. Швейцер с благодарностью называл глубокие работы своего друга Ромена Роллана, которого он ещё знал с 1905 г., о Рамакришне и Вивекананде и труды Шопенгауэра, которые ещё в юности первые познакомили его с индийской мыслью.

В ноябре Швейцер приехал в Эдинбург и прочёл второй цикл лекций, в котором ещё глубже, чем в первом представил свои этические и философские принципы. Это была его последняя предвоенная поездка в Англию, но тогда он, конечно, не мог знать этого. Лекции А. Швейцера, как правило, сопровождались концертами. В Манчестере, куда приехала и его супруга, доктор рассказывал о Ламбарене в битком набитом Альберт-холле, иллюстрируя лекцию диапозитивами. Это было серьезное выступление перед молодежью об обязанностях взрослого человека. Но потом, сразу после лекции, Швейцер поехал в трущобы Солфорда, в клуб подростков, где сопровождал свой рассказ множеством забавных историй, и слушатели просто катались от смеха. В литературе осталось много свидетельств о том огромном впечатлении, которое производил А. Швейцер на англичан. Настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон, за свою близость к социалистическим идеям прозванный в Англии «красным настоятелем», писал о последнем приезде Швейцера в Англию как о «выдающемся событии» и отмечал жизнеспособность, жизнерадостность, оптимизм этого шестидесятилетнего человека, а главное - его «человечность, перевешивающую в нем всё остальное».

Были в Англии и грустные встречи. Швейцер встретил здесь Стефана Цвейга, и они говорили о том, что происходит в Германии. Нежный, чувствительный Цвейг был в отчаянии от того, что вытворяли пришедшие к власти нацисты. А. Швейцер соглашался, что это новые симптомы упадка цивилизации, сам он тоже писал в то время, что «гуманизм идёт на убыль», что «жестокость и вера в насилие на подъеме». Да, то, что происходит в Германии, - очередная, еще более грандиозная по своим масштабам катастрофа. И все же он, Швейцер, верил в конечное торжество человечности [Носик Б.Н., 1971]. В том же году А. Швейцер попытался сформулировать свой ответ другу в статье об этике уважения к жизни: «Я цепляюсь за жизнь из-за своего уважения к жизни. Потому что, начав размышлять, воля-к-жизни осознает, что она свободна... Она свободна выбирать - жить ей или не жить». Прошло совсем немного лет после выхода в свет этой статьи, и Стефан Цвейг с женой, лишившись родины и веры в человечность, покончили жизнь самоубийством.

После путешествия по Швейцарии в начале 1936 г. и занятий весной в Гюнсбахе, где он переводил на французский язык своих «Индийских мыслителей», Швейцер снова отправился в Ламбарене. Здесь он строил новые дома. Некоторые из них носили экзотические названия, раскрывавшие их историю. Одна англичанка, прочитав о больнице А. Швейцера, продала любимое ожерелье и отослала все деньги на строительные нужды Ламбарене: так вырос на холме «Дом ожерелья». В том же году был построен «Дом Эмилии Хопф»: эта женщина была органистка, как и доктор Швейцер, отдававшая на Ламбарене сборы от своих концертов, трудовые деньги музыканта.

В суровом для Европы 1937 г. Ламбарене с упорством продолжало свой труд сострадания и любви к людям. Прошел год. Доктор так и не притронулся к своей книге по философии. Правда, в следующем, 1938 г. он сумел выкроить время для написания небольшого сборника африканских историй, который вышел в том же году.

В 1938 г., отмечая двадцатипятилетие ламбаренской больницы, белые пациенты из района Огове подарили больнице 90 тысяч франков на покупку рентгеновского аппарата. С согласия даривших А. Швейцер закупил на эти деньги большой запас лекарств. Он должен был предвидеть худшее, а человеку, не прятавшему голову под крыло, не так уж трудно было предвидеть в 1938 г. то, что вскоре произошло. Швейцер принимал свои меры на случай войны. Габонские пациенты не должны были расплачиваться за упадок цивилизации в Европе. Его супруга Елена дважды вместе с дочерью побывала в Америке, где выступала с лекциями. Она рассказывала о больнице, восстанавливала старые связи, завязывала новые. У А. Швейцера становилось все больше сторонников в Америке; и в последующие годы это оказалось спасительным для ламбаренской больницы.

В январе 1939 г. Швейцер решил, наконец, отправиться в Европу. Он хотел спокойно поработать в Гюнсбахе над третьим томом книги. Пароход плыл в Европу, а доктор работал над книгой об уважении к жизни. Пароход уже пересекал Бискайский залив, когда А. Швейцер услышал из салона, где было включено радио, взвинченную немецкую речь. «Один из главных заклинателей», - узнал доктор и горестно усмехнулся. Позднее он рассказывал: «Я узнал, что Адольф Гитлер произнес речь, в которой пытался заверить весь свет в том, что мир - единственная цель всех его действий. Речь эта была патентованной уловкой, и я понял, что война близко».

Вскоре Швейцер сошёл на берег в Бордо и машинально поехал в Гюнсбах. Однако там он окончательно всё обдумал и сразу заказал обратный билет. За 10 дней в Страсбурге он успел сделать некоторые приготовления и заказать максимальное количество продуктов и лекарств для Ламбарене. А. Швейцер поплыл обратно и в марте, к всеобщему изумлению, вдруг объявился в Ламбарене.

Примерно в это время Швейцер получил роскошный конверт из Германии. Министр пропаганды фашистской Германии Геббельс протягивал через моря руку дружбы Альберту Швейцеру и звал его в гости, предлагая выступить с органными концертами. Доктор Швейцер не поддался на эту провокацию и отверг его предложение. Своё письмо доктор Геббельс подписал, как и положено «истинному арийцу»: «С германским приветом!» Швейцер же не пожалел длинного слова, подписывая свой отрицательный ответ: «С центрально-африканским приветом! Альберт Швейцер».

В сентябре, когда началась Вторая мировая война, доктору Швейцеру и его помощникам пришлось выписать из больницы всех, кто не был серьезно болен. «Мы пережили грустные дни, отсылая этих людей домой! Нам снова и снова приходилось отказывать настоятельным просьбам тех, кто, несмотря ни на что, хотел остаться с нами... Наконец, все они ушли, и душераздирающие сцены прекратились». Пришлось также до минимума сократить количество операций, экономить лекарства и перевязочные средства. В сентябре была прервана всякая связь Ламбарене с внешним миром.

В марте 1940 г. старый торговый пароход «Бразза» был торпедирован и затонул так быстро, что почти никто не успел спастись. На борту его погибла последняя партия лекарств, заказанная А. Швейцером в Европе. Потянулись долгие месяцы и годы непрерывного изнурительного труда в условиях жёсткой экономии и всеобщей подавленности. События, разнообразившие их тяжкую трудовую жизнь, были тоже не из приятных [Носик Б.Н., 1971].

Осенью 1940 г. война, как и 25 лет назад, пришла в Габон. Войска генерала де Голля сражались с вишистами за обладание Ламбарене. К счастью, командованию обеих сторон удалось договориться, и оно отдало приказ авиации не бомбить больницу А. Швейцера. Доктор вместе со своими помощниками заложил деревянные стены палат рифленым железом, и в палатах укрылись жители Ламбарене. С той же осени Габон поступил в распоряжение эмигрантского лондонского правительства Франции и, хотя он был теперь отрезан от Европейского континента, зато имел связь с Англией и Америкой, а иногда и со Швецией.

Когда немцы вторглись во Францию, Елена Швейцер добралась из Лозанны в Париж, где находились в это время Рена со своим мужем, органом мастером, Эккертом и их первым ребенком. В июне они влились в толпу беженцев, покидавших Париж. Рена писала в письме: «Около месяца мы жили на дорогах, спали по большей части в автомобиле и ели, что удастся найти». В Лионе у них родился второй ребенок. Позднее Елене Швейцер удалось с огромным трудом выехать из Франции и пробраться через Португалию в Анголу, в Бельгийское Конго, а оттуда, наконец, в Ламбарене, где она, по выражению мужа, «появилась чудом» в августе 1941 г.

Заботы, поглощавшие Альберта Швейцера в первые годы войны, - это заботы фермера и отца большущего семейства, которое надо кормить и в котором уже добрых три сотни ртов. Он закупал рис, освобождая местных торговцев от их запасов. Он не упускал рабочей силы, которая освободилась теперь на лесоразработках: надо укрепить сползающий берег у плантации, надо обложить камнями склон холма, чтобы не размывало улицы больничной деревни. Он должен был предусмотреть возможность неурожая, не допустить,

чтобы больница закрылась из-за голода, как закрылись уже в 1942 г. миссионерские школы. Доктор занимался хозяйством, делал операции, вёл приём. Елена сменяла на дежурстве сестёр и помогала готовиться к операциям. Швейцер отмечал, что её помощь в войну была для них очень ценной. Её, как и его, поддерживала мысль о том, что они могут лечить и спасать от боли в эти трагические годы войны, развязанной фашизмом.

В 1942 г. прибыли первые посылки из Америки. Вскрывали их всей больницей. Наконец-то доктор получил операционные резиновые перчатки нужного размера. Война продолжалась без конца, и работать становилось всё труднее. Европейские служащие в Габоне работали без отпусков, и число пациентов госпиталя росло. Не хватало сестёр и санитаров.

Из Европы приходили безрадостные вести. Доктор узнал, что его друг Оскар Краус в концлагере. Родственники написали, что племянник Пьер-Поль в Бухенвальде и что они переправили ему туда книгу доктора «Из жизни и мыслей». Кто-то написал им, что прах профессора Бреслау, который был наполовину евреем, выброшен из могилы, находившейся на «арийском» кладбище. Страшно было думать о том, что происходило в Германии, во Франции и дальше, на востоке, на территории стран, куда вторглись оккупанты... Швейцер писал в одном из писем этого времени: «Вести о том, что происходит в тюрьмах и концлагерях... повергают нас в ужас».

Однако через некоторое время забрезжил просвет: советские войска перешли в наступление, неся Европе избавление от немецкого фашизма. Сводки с восточного фронта войны теперь заполняли все западные газеты. И может, именно в эти годы Старый Доктор стал со столь напряженным вниманием следить за жизнью огромной страны на востоке Европы. Впрочем, первые высказывания А. Швейцера (весьма сочувственные) о Советском Союзе относились к шестидесятым годам.

14 января 1945 г. Швейцеру исполнилось семьдесят лет. Любящая его Англия среди собственных горестей сумела вспомнить об этом человеке невоенного мира. Лондонская радиостанция сообщила слушателям, что в сырых джунглях Габона ещё трудится старый врач и философ. Одна из лондонских газет посвятила ему передовую. Репортерский стиль в годы военного пафоса стал еще категоричней: «Альберт Швейцер - святой нашего века... Он облагораживает нас, созданных из того же человеческого материала. Его история - живая проповедь братства. Он даёт перспективу избавления от страданий нашего века».

В Ламбарене был праздничный обед, на котором по обычаю Коллегиума Вильгельмитанума сам именинник выбрал меню - жареный картофель. Старый усталый доктор произнес именинную речь, и она была невеселой:

«...Моя антилопа ждала меня сегодня поутру, и я мог прочесть в ее глазах: "Почему ты всегда должен уходить? В конце концов, мы с тобой два старых зверя - ты и я". Я должен был, наверно, пространно объяснять ей понятия долга и взаимозависимости людей. Она же глядела на меня взглядом, в котором были сожаление к моему невежеству и укор: "Только взгляни на меня и делай, как я. Я даже не поднимаюсь, когда ты приносишь мне пищу".

Я мечтал уйти в отставку, когда мне исполнится шестьдесят пять, чтобы провести остаток жизни приятно и спокойно. Я хотел приехать сюда на годик как любитель, а потом поехать во Францию, и поработать годик над книгой между двумя приятными путешествиями, и поухаживать за женой, и дочкой, и внуками.

Так вот, это все были прекрасные планы, но, к глубокому сожалению, я сознаю теперь, что я не должен ничего бросать, и я предвижу также, что мои последние годы будут намного более тяжкими и больше обременены всякими обязанностями, чем ранние годы. И все это очень меня печалит».

В день окончания войны в Европе в своём дневнике Швейцер записал изречение его любимого древнекитайского мудреца Лао-Цзы: «Оружие - инструменты зла, недостойные людей благородного образа мыслей». Выше всех благ на земле он ценил «спокойствие и мир». Может быть, именно в этот день 70-летний Альберт Швейцер решил посвятить оставшиеся годы помимо Ламбарене делу предотвращения войн [Гиленсон Б., 1967].

Окончание войны в Европе не принесло Ламбарене долгожданного облегчения. Сёстры и врачи пока не могли приехать из-за формальностей, осложнявших передвижение. Только в августе 1945 г. добралась, наконец, в Ламбарене Матильда Котман. Тогда, узнав 6 августа 1945 г. о первом применении американцами атомного оружия в Японии, Швейцер в разговоре с ней сказал: «Когда одной-единственной бомбой убивают сто тысяч человек - моя обязанность доказать миру, насколько ценна одна-единственная человеческая жизнь».

В 1946 г. Эмма Хаускнехт, часть обязанностей которой теперь перешла к Матильде Котман, писала друзьям: «Мы все страшно устали, но Доктор самый мужественный из нас. После долгого трудового дня он играет в своей комнате на пианино с органными педалями, и в тишине ночи, среди огромного леса мы наслаждаемся этими прекрасными концертами. Музыкальные часы служат для нас большим утешением и моральной поддержкой. Для меня они так много значили в эти годы разлуки с домом!».

После войны чаще стали приезжать посетители. Американцы, среди которых в последние годы Ламбарене становилось всё популярнее, увидели эту больницу, непохожую на все другие больницы мира, этих врачей-подвижников, этих страдальцев-

пациентов из нищей страны, эти изобильные и скудные джунгли. Стали выходить новые иллюстрированные книги о Ламбарене, и одной из них была книга Джоя и Арнолда «Африка Альберта Швейцера». Доктор водил этих друзей-американцев по берегам Огове, показывал свои любимые места: «Вот так от сотворения мира - река, леса, облака!» В аптечке, за окном, забранным деревянной решеткой, он пошутил: «Видите, я узник!» В этой шутке было немало смысла: Швейцера часто говорил, что он узник Ламбарене, что оно держит его и движет им.

Война давно кончилась, а доктор Швейцера никак не мог выбраться в Европу. То голод грозил схватить за горло его изможденных пациентов, то больница переживала нехватку персонала, то затевалось новое строительство. Европа оживала после военного кошмара, и Эльзас всё чаще начинал вспоминать едва ли не самого знаменитого и удивительного из своих сыновей. А Швейцера собирался в Европу. Шёл уже десятый год без отпуска. У доктора Швейцера было теперь четверо внуков, а он не видел ещё ни одного. Да и дом его в Гюнсбахе, уцелевший во время войны, тоже манил к себе безмятежными днями интеллектуального труда. В день своего семидесятитрехлетия Швейцера вдруг услышал Гюнсбах: базельская радиостанция организовала ко дню рождения Швейцера передачу из Гюнсбаха. Первым говорил мэр, голос которого снова звучал бодрой верой в прогресс:

«Привет тебе, дорогой Альберт. Я мэр Гюнсбаха. Мог ли я подумать, что когда-нибудь стану поздравлять тебя с днём рождения и посылать свои пожелания по радио за тысячи миль за океан! Но вот это случилось. В таких делах мы быстро двигаемся вперед.

...Жители Гюнсбаха и Гиршбаха вспоминают тебя сегодня и желают тебе всего наилучшего... Но должен тебе признаться кое в чём. Они немножко сердятся на тебя, потому что ты так долго не приезжал домой. Это неправильно. Разве мы больше ничего не значим для тебя? В конце концов, ты принадлежишь и нам, а не только чёрным, хотя, упаси боже, мы ничего не имеем против них...»

Наконец, в ноябре 1948 г. Альберт Швейцера приехал в Гюнсбах после десятилетнего отсутствия. Он направился в Шварцвальд и там после долгого перерыва увидел свою Рену, которая приближалась к тридцатилетию и была теперь матерью четырёх детей. Он впервые увидел своих внуков. Из гор Шварцвальда он вернулся отдохнувшим и сел за работу в Доме гостей в Гюнсбахе. Приезжали друзья, коллеги, незнакомые ему сторонники Братства Боли...

В Гюнсбах пришло приглашение из Америки. Швейцера приглашали прочесть лекции в Гарварде, приглашали в Принстон, чтобы он мог закончить там, в тиши, работу над философской книгой, приглашали на лекционные турне, на концерты. В последнюю

войну американцы выручили больницу, как некогда шведы. В Америке было много друзей, фирмы, снабжавшие его лекарствами. И всё же ему не хотелось ехать. Приглашение на этот раз было очень деловое и вполне американское: его приглашали прочесть мемориальное обращение на праздновании двухсотлетия Гёте и обещали при этом пожертвовать на его больницу большую сумму - 6100 долларов. Послевоенные расходы больницы росли, и хотя швейцеровские «братства», «содружества» и «общества» возникали теперь во всех странах Запада и Востока, Старому Доктору не осилить было пока новое строительство. А он задумал новую большую стройку. Его всё чаще беспокоила судьба прокажённых. У этих людей не хватало выдержки на долгий курс лечения. Люди эти были мечены многовековым проклятьем, хотя опасность заражения явно преувеличивали. Сонной болезнью теперь в Габоне всерьез занялось правительство, и доктор должен был подумать о прокажённых. В видениях его все чаще возникал человек с колокольчиком. Человек с колокольчиком бродил некогда по улицам дикой Европы, пустеющих от этого звука. Звук колокольчика доносился сейчас до А. Швейцера, как крик унижения и боли. Он решил согласиться на поездку в Америку. Что ж, ему ещё только семьдесят четыре года.

В июне 1949 г. Швейцер отправился в Ливерпуль и оттуда отплыл в Америку вместе с Еленой и английскими друзьями. Гётевский юбилей в штате Колорадо оказался мероприятием чисто американского типа. Некогда в Аспене были серебряные рудники. Предприимчивый американец немецкого происхождения построил здесь подъёмник и открыл зимний курорт. Для летней эксплуатации городка он придумал гётевские торжества и пригласил на них видных интеллектуалов Европы и Америки: кроме А. Швейцера, здесь был испанский философ Ортега-и-Гасет, итальянский мыслитель Боргезе, американский писатель Торнтон Уайлдер. Торжественное гётевское обращение Швейцер написал по-немецки и по-французски. Немецкий вариант перевел на английский язык Торнтон Уайлдер.

Из Аспена А. Швейцера привезли в Чикаго, где университет присудил ему степень доктора права и предложил быть профессором. В Чикаго Швейцер встретил своего юного (четверть века назад) сотрудника Ноэля Гилеспи, который был теперь специалистом по анестезии и который провел день возле доктора Швейцера. В Чикаго прилетел студент-медик Уильям Меллон-младший. Некогда журнальная статья о А. Швейцере побудила его избрать медицинскую профессию. Теперь он решил окончить колледж и открыть на Гаити больницу имени Швейцера. Он был лишь одним из многих послевоенных последователей Швейцера (в Перу, Бразилии, Бирме, на Филиппинах), строивших больницы на свой страх и риск.

Затем А. Швейцер отдыхал в Нью-Йорке у друзей. Однако тёплый прием никак не изменил (видимо, вопреки ожиданиям многих поклонников американского прогресса) его взгляда на современную и, в частности, американскую цивилизацию. Он увидел страну, обогнавшую все прочие страны мира по производству продуктов питания, холодильников, телевизоров и автомобилей, и не восхитился её сытостью. Он увидел великолепные автострады, признаки могучей промышленности, поражающей мир высокой организацией производства. И он не увидел здесь ничего принципиально нового в подмеченной им ещё на рубеже века картине упадка буржуазной культуры.

В Америке Альберт Швейцер встречался с Альбертом Эйнштейном. Впоследствии в письме Г. Геттингу Швейцер писал: «Я познакомился с Эйнштейном, и между нами возникла глубокая дружба, когда он был профессором в Берлине. Умирая, Эйнштейн знал, что я, как и он, буду бороться с атомным оружием».

В октябре 1949 г. А. Швейцер в 8-й раз уехал в Африку, где с огромной энергией взялся за работу. Американские лекарства давали новые возможности для лечения проказы. Кроме того, у него были теперь гётевские деньги, помогавшие ему в осуществлении его планов, как некогда, много лет назад, ему помогали баховские деньги. Швейцер начал строительство деревни для прокажённых, решив посвятить её памяти покойных родителей.

Джордж Сивер описывал в своей книге трогательную процедуру дня рождения доктора, когда ему исполнилось семьдесят шесть лет. Ламбаренские детишки дарили ему в этот день фрукты, один санитар принес тёплое яичко, только что из-под курицы, старуха-африканка притащила корзину дефицитного древесного угля, а растроганный доктор благодарил всех и сказал в заключение: «У меня только одно пожелание - чтоб вы обещали мне в этот день рождения не рубить больше на плантации фруктовых деревьев...».

Весной 1951 г. А. Швейцер занимался ремонтом больницы. В мае он поплыл в Европу, которая продолжала осыпать его почестями, Швеция наградила его медалью, Франция сделала кавалером ордена Почетного легиона. В конце года Швейцер возвратился в Ламбарене и продолжил строительство больницы для прокажённых. Старый плотник Монензали сказал, что доктор теперь приходит на стройку только один раз в день. И, вздохнув, добавил: «Но он остается на весь день...» [Носик Б.Н., 1971].

Летом 1952 г. А. Швейцер снова ненадолго приезжал в Европу. Он теперь легче выбирался в подобные путешествия и сам называл себя «перелетною птичкой». В родной Гюнсбах, где доктор работал над изданием сочинений Баха, часто приезжали журналисты. Швейцеру редко удавалось отказать в интервью. Он только отказывался обсуждать, кто прав в том или ином из бесчисленных международных и внутренних конфликтов, чьё

влияние в той или иной африканской стране является более «традиционным» или «законным». Он предпочитал бы иметь дело с более существенными человеческими проблемами бытия и духа, а не с преходящими, зачастую искусственно инспирируемыми «конфликтами». И он просил не задавать ему всех этих политических вопросов, хотя был уверен, что понимание между людьми может быть достигнуто и в этой сфере. Понимание должно прийти изнутри, и оно придёт, как только мы вернемся к идеалам человечности. Как вернуться к этим идеалам? Очень просто: быть простым и добрым, работать и думать самому.

20 октября 1952 г. в Париже А. Швейцер был избран почётным членом Академии моральных и политических наук. В академии, которую в предвоенные годы возглавлял выдающийся философ А. Бергсон, по уставу, было только 40 членов. Швейцер занял место исключённого за сотрудничество с фашистами маршала Петена. Великий мыслитель произнёс в академии речь «Проблемы этики в ходе развития человеческой мысли». В этой речи он говорил о своём принципе уважения к жизни, который, по существу, включает то же, что и моральный принцип любви, но содержит при этом обоснование завета любви, а также требует сочувствия ко всем тварям: «Мораль уважения к жизни требует милосердного отношения ко всем живым существам, что соответствует естественным чувствам здравомыслящего человека. Гуманным отношением ко всем живым тварям мы проявляем своё духовное отношение ко Вселенной...». А правительство Германской демократической республики наградило великого врача медалью Парацельса – высшей наградой для медицинских работников.

В конце 1952 г. А. Швейцер снова уплыл в Африку. В деревне для прокажённых он заложил капитальные помещения на двести пятьдесят человек. Он хотел построить жильё для самых обездоленных, для париев общества. Эти бедняги должны были не только получить здесь физическое исцеление, но и вновь ощутить себя людьми. Он с прежним рвением работал в Ламбарене и отлично переносил душный габонский климат. Старый Доктор говорил, что для человека, которому перевалило за шестьдесят, есть один рецепт: много работать и - ещё больше работать. Его жена Елена приезжала в Ламбарене ненадолго, поскольку была больна. Много лет назад во время катания на лыжах она повредила позвоночник и теперь тяжело переносила последствия этого несчастья.

Швейцер не жалел средств на лекарства, в том числе и новейшие лекарства. Он живо интересовался новыми методами исследования, состоял в переписке с исследовательскими центрами и фармацевтическими фирмами всего мира. И всё-таки он проявлял очень большую осторожность в применении новейших средств лечения. Ранние его письма полны восторгов по поводу новых лекарств. Позднее он умерял восторги

интуицией, опытом, осторожностью. Тщательным наблюдением отделял он истинную находку от простого увлечения новой медицинской модой. Прав ли он был, старый деревенский врач из джунглей? Интересные сведения сообщал доктор Монтэгю в своей книге об А. Швейцере: «Из тех лекарств, которые употреблялись в середине пятидесятых годов нашего века, к середине шестидесятых годов употреблялись только 10-24%. Из новых же лекарств тогда не существовало 75%. Представляете себе, какой это гигантский поток лекарств, не успевающих себя зарекомендовать (или скомпрометировать)? А у габонцев гемоглобин, содержание красных кровяных телец, составлял только 60%, и врач должен быть особенно осторожен в применении новых средств. В хирургии мода распространяется еще стремительней, чем в фармакологии».

Однако в больнице Швейцера хирургические операции завершались на редкость успешно, как и другие виды лечения. Что это – удача, влияние его магической личности или внимательное проникновение врача в особенности больного? И то, и другое, и третье. Самые суровые критики признавали, что в больнице А. Швейцера соблюдались строжайшие правила антисептики и что уровень хирургии здесь был высокий. Известный американский хирург Роберт Голдуин, работавший у доктора Швейцера, писал: «Множество раз я и другие врачи консультировались у него, и его суждения всегда оказывались правильными. Надо помнить, что большинство своих операций доктор Швейцер проделал во время второй мировой войны (ему было тогда шестьдесят восемь лет), и его дотошные отчёты об операциях можно найти в старых журналах...»

Главным достижением больницы Альберта Швейцера, с точки зрения мировой медицины, были даже не успехи его хирургической практики, не ранние успехи в лечении сонной болезни, не деревня прокаженных, а образ врача. Врача, сохраняющего в век массовой, механизированной и сверхорганизованной медицины человеческий, гуманистический, не притупленный привычкой к чужим страданиям подход к больному. Как и сорок лет назад, после изнурительного дня в душных джунглях, после своих врачебных, хозяйственных, строительных и писательских трудов доктор Швейцер обходил перед сном тяжелых больных, с беспокойством вполголоса советовался за обедом с кем-нибудь из лечащих врачей и, по-прежнему, волновался, вкладывая всю силу своего сострадания в избранный им труд [Носик Б.Н., 1971].

Глубокой осенью 1953 г. в один из дней, когда А. Швейцер, стоя на лестнице корректировал работу плотников, чинящих крышу в операционной, в Ламбарене появился шведский корреспондент. Он сообщил, что норвежский стортинг присудил Альберту Швейцеру Нобелевскую премию мира 1952 г. за гуманитарную и миссионерскую деятельность, за то, что «показал, что жизнь человека и его мечта могут слиться воедино».

Инициатором его награждения был известный поэт, литератор и антифашист Макс Гау. Швейцер вежливо благодарил: «Я приеду в Стокгольм, чтобы высказать свою благодарность, как только позволят обстоятельства. Всю сумму денег я истрочу на постройку лепрозория». Сразу посыпались поздравления. Старый Доктор буркнул, что, на его вкус, слава эта могла бы прийти и посмертно. Он хотел бы ограничиться этим комментарием, но предстояло ещё выступить с нобелевским обращением. В больнице в этот момент не было хирурга, велось строительство, так что Швейцер решил отложить поездку в Осло.

На вопросы корреспондентов, что он собирается делать с деньгами (премия составляла около 36 тысяч долларов), он отвечал почти раздражённо: «Деревню для прокаженных строить, что же ещё?». Он по-прежнему не хотел высказываться на политические темы, но много думал и читал сейчас об атомной угрозе. В конце концов он согласился на просьбу «Дейли геральд» написать письмо в эту газету об атомной угрозе. Это было его первое выступление о беде, нависшей над человечеством. «Мир просто должен прислушаться, - писал А. Швейцер, - к предупреждениям отдельных учёных, которые понимают эту ужасную проблему».

Весной 1954 г. Швейцер наконец выбрался в Европу. Он поехал в гюнсбахский Дом гостей, где работал над своим нобелевским обращением. В начале ноября Швейцер вместе с женой прибыл в Осло. В отеле ему отвели роскошный номер. Он устал за дорогу, но тут же появились посетители. Их не очень-то хотели пускать, но, услышав голоса, А. Швейцер обычно выходил сам и спрашивал: «Месье ко мне? Пусть пройдет». Приходили с предложениями помощи. Какая-то бедная женщина принесла двести крон, отложенные ею на похороны; она решила пожертвовать их на больницу в Ламбарене, и доктор согласился взять их, потому что это не противоречило принципам человеческого Братства Боли. Рассказывали, что в Америке один миллионер предложил взять на себя всё содержание Ламбарене, но Швейцер отказался: это противоречило его принципам самопожертвования и помощи.

4 ноября 1954 г. Альберт Швейцер прочёл свое нобелевское обращение «Проблемы мира в современном мире (Das Problems Friedens in der heutige Welt)». По мнению комментаторов, это было, прежде всего, обращение разумного человека, дающего здравые рекомендации. Он сказал, что после войны политики постарались скорее воспользоваться плодами победы, чем помочь побеждённым и победителям залечить раны. И результаты этого не замедлили сказаться - была рождена новая военная ситуация. Швейцер страстно утверждал: «Стало очевидным, что война в наше время – это катастрофа. Нельзя упустить ни одной возможности, чтобы избежать её. При этом надо прежде всего помнить о моральных принципах. В двух последних войнах мы были виновниками жестокостей и бесчеловечностей. А в последующих войнах на нас будет лежать ещё большая вина. Но они не должны произойти».

А. Швейцер напомнил в своём обращении о стремительном развитии техники, главным образом военной техники. Развитие это привело к тому, что «человек стал сверхчеловеком». Однако, предупреждал доктор Швейцер, не следует забывать, что «сверхчеловек этот самым роковым образом страдает духовным несовершенством. Он не обладает сверхчеловеческим разумом, который царил бы над этой сверхчеловеческой силой. Человеку нужен такой разум, если он намерен употребить обрётённую им силу для добрых и осмысленных целей, а не для распространения смерти и уничтожения. Знание и мощь дали пока результаты, которые оказались скорее губительны для человека, чем полезны».

А. Швейцер говорил о страшной опасности саморазрушения человечества им же открытыми силами атома, если последние окажутся в руках безответственных правителей.

Швейцер обратил внимание на то, что люди знали об уничтожении большого количества других людей, но не противились этому. Как протестант, будучи человеком индивидуального действия, он обратился с призывом проявить активность в предотвращении войны: «Сознание, настоятельно необходимое нам сегодня, должно сводиться к убеждению, что все мы повинны в бесчеловечности». А. Швейцер напомнил об идеях великого гуманиста Эразма Роттердамского, который в своей работе «Жалобы мира» (1517) впервые выдвинул этические предложения благоразумия против войны.

В своём обращении Швейцер выразил убежденность, что человечество должно отказаться от войн по этическим причинам, т. к. «война делает нас виновными в преступлении бесчеловечности». По его мнению, лишь тогда, «когда идеал мира укоренится в людском сознании, можно будет ожидать эффективной работы учреждений, призванных оберегать мир». В чём же, согласно А. Швейцеру, состояла надежда мира и человека? В том, чтобы при помощи нового духа достичь «той высшей рассудительности, которая помешает безнравственному использованию силы, находящейся в нашем распоряжении». Швейцер обращался к тем, кто держал в руках судьбу народов, обращался к нациям и индивидам, призывая их дойти «до наивысшей возможной ступени в своём стремлении сохранить мир друг с другом и дать духу человеческому окрепнуть для действия». Только совесть индивида могла бы, по мнению А. Швейцера, в какой-то степени влиять на политику. Эта сила духа заключается в сострадании - в нём кроются корни и движущий импульс этики. В душе каждого человека, по мнению Швейцера, есть это горячее, нужна только искра.

Согласно ритуалу Альберт Швейцер зачитал своё обращение. Потом в соответствии с тем же ритуалом он поклонился королю Норвегии, но король сказал: «Это я должен Вам поклониться». Затем на доктора набросились корреспонденты, которые требовали новых рецептов спасения мира, и он предложил им «возрождение духа» вместо

«успехов науки и техники» или хотя бы в дополнение к ним. Елену Швейцер спросили, что она думает о правах женщин. Она подумала мгновение и ответила: «Мне всегда нравился обычай древних германских племен, согласно которому женщины стояли за линией боя и вручали своим мужьям оружие. Если перевести это на язык нашего времени, то женщина отдает мужчине то, что ему нужно, - хлеб, вино, свои мысли и свою любовь».

Швейцеру никогда не доводилось видеть торжеств, подобных тем, которыми чествовала его столица Норвегии. Норвегия видела такие торжества, пожалуй, только во второй раз (в первый раз так она чествовала так Нансена). В субботу вечером А. Швейцера попросили встретиться с молодежью Осло в большом зале городской ратуши. Во время встречи в зале вдруг произошло волнение, и все устремились к окнам: из окон доктор Швейцер и Елена увидели факельное шествие студентов. Супругов попросили выйти на балкон, и многотысячная толпа заполнила площадь приветственными криками. Норвежские студенты 1954 г. объявили «знаменосцем своего времени» не воителя, не полководца, а скромного врача и философа. Доктор Швейцер был растроган.

Супруги Швейцеры из Осло опять переехали в Гюнсбах в надежде отдохнуть от торжеств. Однако приближалось восьмидесятилетие доктора, и стало известно, что город Страсбург хотел бы достойно отметить этот день, и город Кольмар, и Гюнсбах с Гиршбахом готовы были достойно и торжественно отметить этот день. А Старый Доктор был уже едва жив от торжеств [Носик Б.Н., 1971]. Он уехал в своё любимое Ламбарене, так что Европе и Америке пришлось приветствовать его в этот день по радио. Они осыпали его наградами. Город Париж наградил его Большой золотой медалью. Английская королева сделала его почётным кавалером редкого ордена Заслуг, а президент ФРГ Томас Хейс, которому вместе с невестой более около 45 лет назад Швейцер проводил обряд венчания, наградил орденом «За заслуги». Королевское медицинское общество Великобритании избрало А. Швейцера почётным членом, а Кембриджский университет присудил ему почетную степень доктора права.

Но важнее для Старого Доктора было поступление от американского «Швейцеровского братства» в пользу Ламбарене 20 тысяч долларов. Франкфурт, город Гёте, назвал именем Альберта Швейцера одну из своих улиц и собрал в пользу больницы 700 фунтов-стерлингов. Париж также прислал большие пожертвования. Княжество Монако выпустило швейцеровскую серию марок. В Америке вышло специальное юбилейное издание со статьями друзей и поклонников Швейцера - Ганди, Эйнштейна и других. «Вряд ли мне доведется ещё когда-нибудь встретить человека, - писал Альберт Эйнштейн, - в котором доброта и стремление к красоте так идеально дополняли бы друг друга». Эйнштейн писал, что А. Швейцер не предугадывал и во сне не видел того, что

пример его станет образцом и утешением для людей. Он просто действовал по внутренней необходимости. «Я думаю, - заключал А. Эйнштейн, - что во многих людях есть неистребимое ядро добра. Иначе бы они никогда не поняли его простого величия». Впрочем, чествования, которыми тешили себя Европа и Америка, никак не меняли образ жизни юбиляра. Больница Швейцера жила своей обычной трудной и осмысленной жизнью.

Интересна история финансового успеха ламбаренской больницы среди американцев. Почта «Швейцеровского братства» в Америке являла собой трогательную, хотя и пеструю картину. Обитатели дома престарелых прислали в пользу Ламбарене двадцать пять центов - четверть доллара; в те же дни поступил чек от какого-то незнакомого техасца на 9 тысяч долларов. И ещё - чек от нью-йоркского бизнесмена на 27 тысяч долларов, а также чек от какой-то неизвестной женщины из Индианаполиса на 5 тысяч. Впрочем, все эти пожертвования, и большие, и малые, были просто мелочью в сравнении с потоком пожертвований, который вызвало письмо тринадцатилетнего негритянского мальчика Бобби Хилла. Он решил послать в больницу Швейцера бутылочку аспирина и, движимый мальчишеской фантазией, написал генералу авиации, прося сбросить эту бутылочку, пролетая над Ламбарене, среди джунглей. Корреспондент итальянского радио, которому попалось на глаза это письмо, сделал заметку для радио. Заметка понравилась, её передали на трёх языках. Слушатели включились в действие - каждый посылал свою бутылочку аспирина или её эквивалент. В конце концов пришлось действительно нанимать итальянские и французские самолеты, которые привезли в Ламбарене четыре с половиной тонны медикаментов и самого Бобби Хилла. Мальчику доверили передать доктору собранные «аспиринные» деньги - 400 тысяч долларов. Однако Америка не успокоилась. Через год транспортный самолет снова сел в Ламбарене, и тот же Бобби Хилл передал доктору ещё тонну медикаментов и чек на 100 тысяч долларов.

24 апреля 1957 г. комитет по Нобелевским премиям мира в Осло раздал для опубликования и передачи по радио обращение Альберта Швейцера, названное «Декларацией совести». Швейцер знал, на что он идет. Он видел, как резко переменялся тон журналистов, писавших о нём. Он больше не был для них безобидным стариком, непонятно почему презиравшим нынешнюю цивилизацию, а стал человеком, активно вмешивающимся в политику гонки вооружений, в махинации западной «обороны». Этот человек требовал немедленно информировать народы о катастрофическом состоянии атмосферы, об угрозе, нависшей над людьми, над их потомством, над внуками и правнуками.

Новое воззвание А. Швейцера было обращено к США, Советскому Союзу и другим ядерным державам. Он призвал правительства этих стран немедленно прекратить ядерные

испытания. «Мы не можем взять на себя ответственность за последствия, которые это может иметь для наших потомков, - заявлял Швейцер, - им угрожает величайшая, ужаснейшая опасность. Мы должны остановиться, пока не стало слишком поздно. Мы должны сконцентрировать всю свою дальновидность, всю серьезность и мужество, чтобы... взглянуть в лицо реальности». В ответ на выступление А. Швейцера «вечные перья» стали изливать на бумагу однодневные порции лжи и полуправды; ученые среднего ранга, находящиеся на жалованье у государственных учреждений Запада, сели перед камерами телестудий, чтобы успокоить публику и не позволить военным бюджетам прогореть [Носик Б.Н., 1971].

Май 1957 г. принёс Альберту Швейцеру печальную весть: в цюрихской больнице умерла его жена Елена. Он перевёз её прах в Африку и похоронил под окном. Теперь здесь стояло уже два простых деревянных креста. Эмма Хаускнехт умерла год назад в Эльзасе, и прах её тоже был перевезен в Ламбарене, которому она отдала большую часть жизни... Верный друг и помощник Швейцера, его нежная и мужественная Елена покоилась теперь в сердце джунглей под деревянным крестом. Старому Доктору шёл уже девятый десяток, и он решил сам сколотить себе на досуге такой же грубый деревянный крест с такой же короткой надписью, как эти две: «Эмма Хаускнехт (1956, Страсбург)» и «Елена Швейцер (1957, Цюрих)», а на третьем кресте будет просто написано: «Альберт Швейцер».

Осенью 1957 г. Норман Казинс привёз в Ламбарене дружественное приглашение Швейцеру от Джавахарлала Неру – руководителя вставшей на путь независимости Индии, последователя Ганди, с которым А. Швейцер был лично знаком и переписывался по проблемам этики и борьбы за мир.

По инициативе нобелевского лауреата Лайнуса Полинга группа учёных обратилась в ООН. Они требовали немедленно прекратить ядерные испытания в атмосфере. Под петицией стояли подписи более девяти тысяч видных ученых из сорока четырех стран мира. Среди тридцати шести лауреатов Нобелевской премии, подписавших петицию, был и доктор Швейцер. Декларация 9235 ученых, вручённая доктором Полингом генеральному секретарю ООН 13 января 1958 года, прямо заявляла, что последствием испытаний будет рождение всё большего числа детей-уродов.

К тому времени А. Швейцер достаточно глубоко изучил проблему атомной угрозы. Он досконально ознакомился с несколькими десятками книг по этой теме, начиная с монографии А. Гартмана «Атомная физика, биология и религия». Он глубоко вникал в проблему, не ограничиваясь на популярные призывы, а опираясь на научные факты [Абрамов А., 2010].

29 апреля 1958 г. норвежское радио передало второе воззвание А. Швейцера, которое посвящено было опасности атомной войны. Швейцер повторял здесь то, о чём старались пореже говорить политики: «Когда люди имеют дело с атомным оружием, никто не может сказать: "А теперь пусть решает оружие". Можно лишь сказать: "А теперь мы вместе совершим самоубийство и уничтожим друг друга"».

А. Швейцер подчеркивал серьезнейшую опасность, которую представляла для мира круглосуточное состояние тревоги на случай военного нападения. Страшную опасность таила в себе возможность ошибки при расшифровке того, что появляется на экране радара. Ведь в этих случаях требуются немедленные действия, то есть развязывание войны. Швейцер рассказывал, как мир недавно оказался на грани гибели, когда радарные станции ВВС США и береговой службы США доложили о вторжении неопознанного бомбардировщика. Получив это предупреждение, генерал, командовавший стратегической бомбардировочной авиацией, должен был отдать приказ об ответной ядерной бомбардировке. Однако он колебался, понимая, какую ответственность берёт на себя. Вскоре было обнаружено, что радарные станции допустили какую-то техническую ошибку. «Что случилось бы, если бы на месте этого генерала оказался менее уравновешенный генерал?...», - писал А. Швейцер.

Третье воззвание, переданное по радио из Осло 30 апреля 1958 г., было посвящено переговорам на высшем уровне. «Дело в том, что испытания атомного оружия и его использование, - утверждал Швейцер, - несут в самих себе абсолютные причины для их запрещения», ибо и испытания, и пользование этим оружием глубоко нарушают права человечества. Испытания причиняют вред народам, которые живут вдали от ядерных держав, угрожают - причём в мирное время! - их жизни и здоровью. Атомная война и радиация сделают невозможной жизнь на территории стран, не участвующих в войне. Это бессмысленный и жестокий способ подвергнуть опасности самое существование человечества. А потому война эта не смеет стать реальностью. В 1958 г. вышла книга А. Швейцера «Мир и атомная война (Friede oder Atomkrieg)», в которой он призвал ядерные державы отказаться от атомных взрывов.

А тем временем в конце 1958 г. в Габоне происходил плебисцит. Габонцы с синими опросными листочками выстраивались в очередь у больничной аптеки и спрашивали, что означают эти «Да» и «Нет». Врачи терпеливо объясняли им, что они могут проголосовать за независимую республику Габон или за французскую колонию. Пациенты кивали и спрашивали, как проголосовать за доктора Швейцера.

Тем не мене жизнь в Ламбарене текла давно заведенным порядком. Это соблюдение обычаев и традиций, «ритуал» обедов, именинных празднеств, проводов,

встреч помогали Старому Доктору поддерживать в больнице строгий порядок и добрую атмосферу, несмотря на то, что персонал здесь всё время менялся. После ужина, когда в столовой стихали разговоры, А. Швейцер тяжело поднимался с места и шёл к старенькому пианино (хотя в углу давно уже стояло ещё одно, новое). Раздавали сборники гимнов, Швейцер называл номер гимна и импровизировал вступление, каждый вечер по-новому - в стиле XVIII века, в классическом или романтическом стиле. Пианино было расстроено, но он был привязан к нему, как был привязан ко всем старым больничным вещам, и предпочитал лучше обойти немые клавиши, чем сесть за новое пианино, на котором брэнчали медсёстры.

Альберт Швейцер становился всё более популярным во всём мире. Книга публициста Нормана Казинса и цветной фильм Эрики Андерсон, получивший Оскарскую премию, как и десятки публикаций о Швейцере, как анкеты журналов, письма сторонников Братства Боли и новые почести, свидетельствовали о том, что ламбаренский доктор на девятом десятке жизни стал легендой в мире западной цивилизации, стал образом, к которому тянулось всё живое, все неудовлетворенное, ищущее, беспокойное.

Осенью 1959 г. А. Швейцер снова находился в Европе, в это время в кинотеатрах шла премьера фильма Эрики Андерсон. Ученики гамбургской школы имени Альберта Швейцера попросили его выступить у них в школе, и он напомнил им о нашествии духа бесчеловечности, которое Германия не может забывать. Затем Швейцер жил в гюнсбахском Доме гостей, лечил соседей, писал. Журналисты посещали его, по-прежнему хотели, чтоб он говорил о политике, или требовали, чтоб он раскрыл им смысл жизни. Парижский корреспондент Бернар Редмон спросил, чем человек может способствовать уважению к жизни, и Швейцер ответил: «Делайте то, что в ваших силах. Недостаточно просто существовать. Недостаточно сказать: "Я зарабатываю, чтобы поддерживать семью. Я хорошо выполняю свою работу. Я хороший отец. Я хороший муж. Я добрый прихожанин". Всё это хорошо, но вы должны делать и ещё нечто. Всегда ищите возможность сделать доброе дело. Каждый человек должен собственным путем искать возможность стать ещё благороднее и реализовать своё истинное человеческое достоинство. Вы должны некоторое время уделять и своим собратьям. Пусть это немного, но сделайте хоть что-нибудь для тех, кто нуждается в человеческой помощи, нечто такое, за что вы не получите никакой другой платы, кроме самой привилегии выполнить этот труд. Ибо помните, что вы не одни живете в этом мире. Что с вами живут и собратья ваши».

Учение Швейцера об уважении к жизни продолжало тем временем своё шествие по Европе и Американскому континенту. В мае 1960 г. в Чикаго состоялся конгресс «Швейцеровской школы», организованный за счёт «Швейцеровского просветительного

фонда». Закончился этот конгресс дискуссией, передававшейся по телевидению. Среди участников её были четыре лауреата Нобелевской премии мира - лорд Бойд-Орр, сэр Норман Эйнджел, преподобный Доминик Пир и Филипп Ноэль-Бэйкер. Они обсуждали швейцеровский «план мира». Участники этого Швейцеровского конгресса обсудили среди прочих и проблему, как лучше представить неискушенной в философии широкой публике идеи А. Швейцера. Позднее участники этой дискуссии отправились в Ламбарене, чтобы обсудить с самим Швейцером возможности популяризации его идей. Впрочем, независимо от этих усилий идеи А. Швейцера распространялись в мире и среди людей науки, и среди простых людей, давая путеводную нить одним и надежду другим.

В 1960 г. Швейцеру довелось отдать долг своей юности. Тогда отмечалось пятидесятилетие смерти Толстого, и А. Швейцер написал в советскую «Литературную газету»: «Приблизительно в 1893 году, будучи студентом Страсбургского университета, я впервые познакомился с произведениями Толстого. Это было крупным событием в моей жизни, равно как и в жизни моих товарищей-студентов. То, что поразило меня прежде всего, была манера письма этого автора. Никогда до тех пор не встречал я такой гениальной простоты повествования... Но то, что в ходе дальнейшего чтения произвело на меня ещё большее впечатление, был нравственный и творческий облик самого автора. Он... побуждает задумываться над собственной нашей жизнью и ведёт нас к простому и глубокому гуманизму. Чувствуется его стремление раскрыть понятие прекрасного во всем, что касается нас». Швейцер рассказывал о том, как робость не позволила ему написать лично Толстому и как он довольствовался выпавшим на его долю счастьем «вспахивать то же поле», что и великий русский, навек сохраняя при этом «благодарность за влияние, которое оказал» на него Толстой.

В 1961 г. в связи с 350-летием основания госпиталя «Шарите» в Берлине и 150-летием основания Берлинского университета им. А. Гумбольдта медицинский факультет присвоил А. Швейцеру звание почётного доктора университета. Декан доктор Кетлер вместе с дипломом передал корифею приветственное письмо от председателя Государственного совета ГДР Вальтера Ульбрихта [Gotting G., 1964]. В ответной речи Швейцер сказал: «Пусть всем, кто, не жалея себя, прилагает усилия для мира будет дано хоть немного насладиться им и пусть всё человечество знает, что его жизнь, пока нет мира, постоянно находится в опасности».

В конце 1961 г. А. Швейцера посетила делегация советской общественности во главе с Героем Советского Союза, знаменитой девушкой-снайпером времён Великой отечественной войны, борцом за мир Л.М. Павлюченко. Во время встречи с А. Швейцером корреспондент АПН Н.С. Португалов взял у него интервью, которое было опубликовано в

газете «Известия» 3 января 1962 г. Бывший в составе делегации ленинградский литератор К.И. Коницев написал книгу, вышедшую в 1962 г., «Там, где рвутся оковы рабства», небольшой раздел которой был посвящён Швейцеру.

В 1962 г. в ответ на письмо советского исследователя деятельности и творчества А. Швейцера В.А. Петрицкого мыслитель написал: «Конечная цель всякой философии и религии состоит в том, чтобы побудить людей к достижению глубокого гуманизма. Самая глубокая философия становится религиозной и самая глубокая религия становится мыслящей. Они обе выполняют назначение только в том случае, если побуждают людей становиться человечнее в самом глубоком смысле этого слова».

6 июня 1962 г. Швейцер получил письмо от президента США Джону Кеннеди, в котором тот писал: «Вы оказываете необыкновенное моральное воздействие на наш век. Я очень надеюсь, что Вы приложите огромную силу своего воздействия к движению за полное и безоговорочное разоружение».

В июле 1962 г., не имея возможности лично прибыть в Москву, А. Швейцер приветствовал проходящий в СССР Всемирный конгресс за мир и разоружение и желал успеха его работе. А когда летом 1963 г. переговоры о заключении договора, запрещающего атомные испытания в воздухе, космическом пространстве и под водой, продвинулись вперед и появился проблеск надежды, восьмидесятивосьмилетний Альберт Швейцер написал письмо президенту США Джону Кеннеди. Швейцер высоко оценил решимость советского и американского правительства, оценил роль Московского международного соглашения о запрещении ядерных испытаний в трёх средах, оценил решимость Кеннеди, преодолевшего в это время сопротивление правых кругов. Письмо А. Швейцера Д. Кеннеди стало известно прессе в самый разгар сенатских дебатов в США и, по мнению многих биографов, сыграло решающую роль в парафировании договора.

«Наконец-то блеснул светлый луч во мгле, в которой бродит человечество, - писал Швейцер, - наконец-то появилась надежда, что свет разгонит тьму. Московский договор между Востоком и Западом о прекращении испытаний в воздухе и под водой - одно из величайших, да, самое крупное событие мировой истории. Теперь мы можем надеяться, что термоядерной войны между Востоком и Западом не будет».

Однако А. Швейцер порой встречал непонимание и необоснованные нападки со стороны окружающих, подвергался незаслуженной критике, причиной которой стала тогдашняя тенденция в обществе отторгать того, кто не подходил под общепринятые стандарты поведения. В этом выражалась нетерпимость общества к любому проявлению индивидуальности и её неприятие. Имели место и злобные критические выпады, направленные против больницы в Ламбарене. Их авторы писали о запущенности и

дикости этого медицинского учреждения, не отвечающего стандартам цивилизации, плохих гигиенических условиях в нём. Более сдержанные говорили о консерватизме Швейцера и его нежелании использовать современные технологии. Но было наиболее возмутительным появившиеся в «жёлтой прессе» сообщения о финансовой нечистоплотности бескорыстного доктора.

В 1964 г. крупнейший философ Бертран Рассел откликнулся письмом на одну из «разоблачительных» статей об Альберте Швейцере. Рассел писал: «Невелико открытие заявить, что средства современной медицины могут вытеснить одинокие и маловооружённые усилия доктора Швейцера помочь народу, истребляемому болезнями. Очевидно, однако, и то, что технический прогресс всегда достаётся ценою появления безликой техники, лишённой той человечности, которой пронизаны действия и пример самоотверженной личности. Я всегда считал более предпочтительным внимательно изучить человека и сам предмет для того, чтобы разобраться в них. Неприятие, однако, когда начинают рассматривать благородное дело без желания понять его, да ещё хвастая этим недостатком понимания перед теми, кто сам никогда не решился бы на такое дело».

Альберт Швейцер не знал, когда подойдет его время. Он ещё говорил, что в 1968 году придётся, наверное, пересадить деревья. Он по-прежнему работал, был спокоен и полон сил. За эти последние годы он проводил в последний путь многих самых верных своих друзей и помощников – медсестру Эмму, жену Елену, плотника Монензали. В 1963 г. в Ламбарене хоронили Сусанну Авово, которая долгие годы работала санитаркой и акушеркой. Как всегда, скрытый за пальмами, пел хор лепрозория. Как всегда, говорил пастор на маленьком кладбище, где надписи на крестах воскрешали память о тружениках Ламбарене.

14 января 1965 г. Альберту Швейцеру исполнилось девяносто лет. Он был теперь, по выражению одного из габонских министров, самый старый и самый знаменитый габонец. В этот день президент Габона Леон Мда вручил Швейцеру грамоту о присвоении ему звания Почётного гражданина Ламбарене и сообщил, что в его честь его именем названа главная улица этого городка (а ранее А. Швейцер первым был удостоен высшей наградой Габона – «Экваториальная звезда»).

Юбилей этот принес Швейцеру поздравления и почести, однако, как отмечают все биографы, Запад на этот раз не был так единодушен в своих поздравлениях. Передовая «Вашингтон пост», посвященная А. Швейцеру, называлась «Поиски исторического Швейцера». Доктор Монтэгю так объяснял это расхождение оценок: «Он сделал, насколько я знаю, только одну ошибку - он прожил девяносто лет; он пережил нормальный век легенды». Летом 1965 г. вместе с группой лауреатов Нобелевской премии А. Швейцер подписал призыв к мирному решению вьетнамского конфликта.

На девяносто первом году жизни доктор был по-прежнему подвижен, бодр и активен. Это отмечал американский врач, доктор Джозеф Монтэгю, посетивший в это время Ламбарене: «У него не было и следа слабости и забывчивости, столь характерных для человека, которому перевалило за шестьдесят. Он энергично ходил, и если походка его не была больше по-молодому пружиниста, то в ней было всё-таки много силы. Рядом с ним была его дочь Рена. Она всё больше увлекалась делом доктора и его идеями, трудилась в лаборатории, вникала во все ламбаренские дела. Она с восторгом рассказывала доктору, что его внучка Кристина тоже «заразилась Ламбарене» и теперь изучает медицину в Швейцарии.

И всё же Швейцер чувствовал, что дни его на исходе. Он всё чаще думал теперь о преемнике. Им стал в феврале 1965 г. швейцарец Вальтер Эмиль Мунц, хирург и акушер, относительно молодой ещё человек, пять лет проработавший в Ламбарене. 28-го августа 1965 г. Альберт Швейцер сказал дочери, что чувствует себя очень усталым и что она должна приготовиться к неизбежному. «Когда я умру, - сказал Старый Доктор, - прежде всего извести семью и наших в Страсбурге. Ты знаешь, где хранятся бумаги, и займешься моим завещанием. Прежде всего, подумай о пациентах и здешних моих добрых друзьях. Насчёт похорон я всё тебе рассказал. Они будут такие же, как и все другие похороны в Ламбарене, - простые и немедленные. Я рад, что ты со мной».

Об этих последних днях выразительнее всего рассказано в книге Джорджа Маршалла «Понимание Альберта Швейцера». После разговора с Реной доктор уснул совсем усталый на своей простой железной койке. Стало сразу видно, что человеку этому не шестьдесят, а девяносто лет. Он теперь ничего не ел, и пульс его становился всё слабее. Через несколько дней, 28 августа, он, проснувшись, захотел встать, написать письмо. Он встал, и все ждали чуда. Но он рухнул, не дойдя до письменного стола. Находившийся в больнице американский кардиолог Дэвид Миллер прослушал его сердце и посоветовался с ламбаренскими коллегами, со старшими сестрами Матильдой Котман и Алидой Сильвер – прогноз был неутешительным. Приближался конец... Доктор умирал спокойно - как умирают африканцы, как опадают листья в гюнсбахском лесу. Он заранее договорился с друзьями, что они не будут суетиться и оживлять его, что ему дадут спокойно уйти из мира, когда придёт его срок. Рена послала телеграмму восьмидесятитрехлетнему брату Паулю, кузинам в Эльзас и в Париж, старым друзьям в Гюнсбах: «Он умирает, это случится скоро и с неизбежностью. Он уходит спокойно, мирно и с достоинством».

У Швейцера было сильное сердце, и он умер не сразу. Доктор Миллер рассказывал, как, все ещё сохраняя сознание, но с каждой минутой теряя силы, Альберт Швейцер

принимал посетителей, прощался с ними за руку. При этом глубокие серые глаза его были утомленно закрыты, а седая прядь спускалась на лоб. Он прислушивался к любимой музыке, к записям Иоганна Себастьяна Баха и Людвиг Бетховена.

В последние его мгновения 4 сентября 1965 г. Рена, его сотрудники Матильда, и Али Сильвер были вокруг него. А пироги уже скользили по Огове, и в дальних деревьях тамтамы отстукивали грустную весть о том, что Старый Доктор умирает. Бюллетень о смерти, написанный доктором Миллером, содержал ту же фразу, что и телеграмма Рены: «Всё это время он не испытывал страданий, и, когда в 11 часов вечера наступил конец, он умер спокойно, мирно и с достоинством в своей постели среди джунглей Ламбарене, в больнице, которую он строил и любил».

Чёрные и белые люди сидели на перилах у его дома, на ступеньках, на земле. Потом неожиданно, само собой началось ритмичное африканское пение. Так же, сами по себе, стали подниматься молодые и старые, врачи, священники и больные, даже лежащие. Они говорили на разных языках, но чаще всего звучали французские слова: «Papa nous (Он нам отец)», И снова тамтам выстукивал горестную весть: «Великий Белый Доктор умер». Человек рождался, чтобы умереть. Это было так же просто, как то, что он дышал и говорил, как то, что дожди приходили в сезон дождей и уходили в сухой сезон [Носик Б.Н., 1971].

Прокажённые вырыли ему могилу там, где он указал - рядом с могилами жены Елены и Эммы Хаускнехт, рядом с загоном для его любимых антилоп. Они сколотили грубый простой гроб без крышки. И вот подняли с железной койки тело Старого Доктора, положили в гроб. По габонскому обычаю, накрыли его пальмовыми ветвями. В головах у него стояли Рена, Матильда, Али и доктор Мунц. Доктор Мунц прочёл несколько слов из старого молитвенника. Потом откашлялся и сказал по-французски ещё несколько слов - почти то же, что говорили до него на выжженной солнцем площадке по-французски, по-немецки, на галоа, на пахуан... «Великий Доктор был нам как отец. Мне хотелось бы продолжать здесь его труд, следуя его духу». И сёстры запели гимн, тот самый старый гимн, который он помнил с детства и принёс сюда, в джунгли, наверное, потому, что он помогал ему вспомнить детство и родину, и трудиться для новой своей родины, и для людей, родина которых Земля, а может, и не только Земля, для людей и всего живого, для Жизни, которая стремится к Жизни среди других Жизней, которые стремятся к Жизни, трудиться в священном уважении к чужой Жизни. «Ah, bleib mit deiner Gnade» («Упокой в милосердии своем»), - пели сёстры. Африканцы, не знавшие немецкого, подтягивали им без слов. Черные и белые руки бросали на гроб пальмовые листья: они соединились над гробом - белые и черные руки, руки эльзасцев, немцев, венгров, голландцев, французов,

евреев, швейцарцев, чехов... Они соединялись над этой могилой, словно в последний раз торжествуя победу над распрей и уважение друг к другу. Победу того, чему посвящена была долгая и прекрасная жизнь Альберта Швейцера...

«Он был самый старый и знаменитый габонец», - сказал в своей речи премьер-министр габонского правительства. И, отдав дань национальному чувству, воздав должное любви Старого Доктора к этой маленькой и несчастной стране, он добавил, как требовала того справедливость: «Умер наиболее достойный уважения и наиболее уважаемый гражданин мира...» И он снова сказал о Габоне, поскольку уполномочен был самим президентом и представлял Габон: «Наша земля примет его, как драгоценный дар. Теперь, Великий Доктор, ты останешься здесь навечно». Над могилой поднялся простой деревянный крест с надписью, которая так много говорит всякому человеку, желающему сохранить человечность: «Альберт Швейцер». Грубый, неотесанный крест, такой же, какой стоял над могилой Елены, доктор сколотил себе сам, как монах из какого-нибудь старинного братства. Человек должен уйти, он должен помнить, что он уйдет; и если в сознании этого есть безнадежность, то в нём есть и надежда, что ты проживешь в человечности отпущенный тебе срок.

Газеты всего мира печатали некрологи. В них было глубокое почтение к его памяти, а по временам и недоумение, потому что это был человек, непохожий на большинство людей. Зачастую же здесь была настоящая скорбь, больше всего похожая на отчаянье близких, потерявших любимого человека.

С таким чувством писали, например, о его смерти индийские и цейлонские газеты. Цейлонская газета «Трибьюн» писала о Швейцере, что для него «зов человечности примитивного человека звучал понятнее, чем изощренность и лицемерие европейского коммерческого мира». Называя А. Швейцера «единственным Доктором современного мира, который занимался медициной», газета вопрошала: «Найдется ли ещё на Западе человек, который стал бы зарабатывать органными концертами в Европе, чтобы оплатить работу в Африке?.. Найдется ли ещё человек, который в убогой больничке, от которой отворачивались многие западные идеалисты, приходя в ужас от всей этой грязи и запахов, от примитивности всего этого, найдется ли человек, который заслужил бы здесь титул колдуна-врачевателя, к которому стекались бы тысячами туземцы, полные любви и обожания, и который бы сорок два года прослужил в стране, принявшей его?»

В сентябре 1965 г. Рена Швейцер, доктор Мунц и представитель «Швейцеровской ассоциации» посетили президента Габона Леона Мба. Отчёт об этом посещении, опубликованный Маршаллом, интересен не только как документ из истории больницы, но и как ещё одно выражение взаимоотношений Швейцера и новой Африки: «Президент

выразил сочувствие и объяснил, что ему очень печально, что он не смог присутствовать на похоронах, но из-за недавней смерти его собственного отца он должен был, но африканскому обычаю, находиться в течение трёх месяцев в одиночестве своего дома. Рена Швейцер поблагодарила президента и известила его, что воля её отца заключалась в том, чтобы работа больницы была продолжена». И больница продолжала действовать и развиваться. Был «выстроен великолепный современный комплекс, куда обращаются до 50 тысяч человек в год, где работают и делают сложные операции дети и внуки тех, кого в своё время выходил и вернул к жизни А. Швейцер» [Шкарин В.В., 2002].

Откликнувшись на горестное событие, американский пастор и крупнейший общественный деятель африканского происхождения Мартин Лютер Кинг, вскоре погибший от руки убийцы, написал: «С кончиной Альберта Швейцера исчезла одна из самых ярких звёзд на нашем небосводе. Его долгий и богатый трудами жизненный путь учёного и подвижника во имя человечности стал героической поэмой XX столетия».

В знак признания заслуг Альберта Швейцера на его родине в Кайзерсберге была установлена мемориальная доска. Дом в Гюнсбахе, где он жил и работал, приезжая в Европу, стал мемориальным музеем, там же разместился центральный архив Швейцера. В 1969 г. памятники Швейцеру были сооружены в Веймаре и Гюнсбахе. В Веймаре и Франкфурте были организованы общества друзей Альберта Швейцера, которые затем объединились в Немецкое общество друзей Швейцера. 14 января 2000 г. в 125-ю годовщину со дня рождения А. Швейцера был заложен первый камень в фундамент здания швейцеровского музея в Ламбарене, в настоящее время музей построен и открыт для посетителей.

ЮНЕСКО учредила орден Альберта Швейцера как высшую награду за медицинскую и благотворительную деятельность. А Европейская академия естественных наук в связи со столетием учреждения Нобелевских премий учредила медаль Альберта Швейцера «За гуманизм и служение народу».

Имя А. Швейцера носит Всемирная академия медицины, основанная в 1998 г. в Варшаве по инициативе польского профессора-медика Казимежа Имелинского, избранного её президентом при поддержке учёных из 42 стран. Дочь Швейцера Рена, являвшаяся также президентом Гуманитарного института им. Альберта Швейцера в Уоллигфорде (США), была избрана почётным президентом академии. Целью Академии является «гуманизация и гуманитаризация всех отраслей науки, особенно в медицине, поиски духовного наследия Альберта Швейцера (его идей, особенностей мышления, стиля жизни) и внедрения их в практику - особенно медицинскую» и воплощение этических принципов Швейцера в работе врачей всего мира. Академия, по мнению

авторитетного российского учёного-медика В.В. Шкарина «призвана противостоять растущему влиянию денег и потребительства» и воплощать завещанные Швейцером «идеи планетарного гуманизма» [Шкарин В.В., 2002].

Академия имеет ряд региональных центров, в т. ч. в России. Это Центр при Сибирском медицинском университете в Томске (руководитель и представитель Академии в России профессор И.Р. Сёмин – заведующий кафедрой и клиникой психиатрии Томского медуниверситета) и Центр при Воронежском медицинском университете им. Н.Н. Бурденко (руководитель – профессор, академик РАЕН А.С. Фаустов). От России академиками Всемирной академии медицины им. А. Швейцера избраны академик РАН и РАМН Е.И. Чазов (является её вице-президентом), академик РАЕН и член-корреспондент РАМН В.В. Шкарин (является членом её президиума), академик РАМН Е.Г. Гончарук и профессор И.Э. Есауленко.

Философские, теологические и этические концепции А. Швейцера

Швейцер изучал философию в Страсбургском университете у Т. Циглера и В. Виндельбанда. Величайшим идеалом мыслителя для него всегда оставался И. Кант, а образцом гармонического синтеза познания и этического духа – И.В. Гёте. В числе близких себе по духу мыслителей А. Швейцер называл поздних стоиков, Лао Цзы, апостола Павла, английских рационалистов XVIII в., у которых он прослеживал развитие основного принципа нравственного, противопоставляя их взгляды надэтическому мировоззрению Гегеля с его формулой разумности действительного.

Наиболее цельной по своим устремлениям в его глазах была философская мысль рационализма и гуманизма XVIII в., превыше всего ставившая идею свободного и этического индивида [Левада Ю.А., 1969]. Проторенные пути универсального скептицизма и экзистенциально-теологического оправдания противоречий действительности были чужды Швейцеру. «Моё знание пессимистично, но моя воля и моя надежда оптимистичны», - писал он, подводя итог своим размышлениям. В этой фразе отчетливо виден ключ, который должен был открыть ворота оптимизма: противопоставление «воли и надежды» «знанию». В своей системе воззрений А. Швейцер творчески переработал философские и моральные идеи стоиков, Спинозы, Канта, Шопенгауэра, Льва Толстого, Ганди и протестантской этики. Если путь понимания мира и сознательного подчинения его необходимости, по которому шла мысль Фихте и Гегеля, вёл к скептицизму и порабощению духа, как считал Швейцер, то нужно сойти с этого пути: «Мы больше не обязаны выводить наши взгляды на жизнь из знания мира».

Декарт выделял человека из мира природы и приближал по значению его к роли творца, бога, того, кто может управлять механизмом природы и изменять его. Это было началом антропоцентризма. Но А. Швейцер отталкивается от противоположного утверждения. Первый акт человеческой мысли, по мнению молодого философа, - «Я – жизнь», т. е. «я существую». И мыслю о том, что существую. На первый план он выделял не видовую, а родовую черту человека, ту, что объединяет его со всем миром живой природы: «Я есть жизнь, которая хочет жить среди жизни».

По совету профессора Т. Цинглера Швейцер выбрал темой докторской диссертации по философии «Суть веры: философия религии Канта». Погрузившись в кантовские тексты, он отмечал у И. Канта «страшный недостаток мысли, который сочетается с глубочайшим мышлением. Колоссальные новые истины появляются здесь. Схвачен абсолютный характер этического долга, но содержание его не исследовано». Отмечая эти поиски абсолютной этики у Канта, А. Швейцер и впоследствии не раз писал, что по своим целям философия И. Канта является великой и вечной. В своей работе Швейцер стремился доказать, что у Канта «зачатки критического идеализма и религиозно-философские требования нравственного закона противоречат друг другу». Это суждение само по себе уже примечательно, точно так же как и вывод, сделанный им: «Важно отметить, что в мыслях Канта о религии, пронизанных глубочайшим этическим пафосом, постулат бессмертия не играет ровно никакой роли». В заключение своего труда он высказал замечание: «Вместо того чтобы остаться на позициях философии религии, разработанной критическим идеализмом, Кант поддался соблазну философии религии, диктуемой всё больше устремленным вглубь нравственным законом. Погружаясь в этику, он не мог оставаться последовательным».

В эссе, развивавшем его дипломную работу по теологии, «Проблема Тайной вечери по научным исследованиям 19 в. и историческим свидетельствам (Das Abendmahlsproblem auf Grund der wissenschaftlichen Forschung des 19. Jahrhunderts und der historischen Berichte), 1901». А. Швейцер противопоставил сакральному, жертвенному толкованию Тайной Вечери эсхатологическое, связанное с символическим предвосхищением грядущего «мессианского пира». Сакрально-жертвенное понимание Швейцер расценил как позднейшее, искажающее евангельскую идею.

Эти мысли были подробно раскрыты в его теологической диссертации «Тайна мессианства и страданий. Очерк жизни Иисуса (Das Messianitats-und Leidensgeheimnis. Eine Skizze des Lebens Jesu), 1901». В ней А. Швейцер отверг мнение большинства протестантских библеистов, видевших в Евангелии Марка наиболее древнее Евангелие. Согласно Швейцеру, апостол Матфей не менее древний и ценный источник, важный для

понимания жизни и учения Иисуса. «Трудно себе представить, - писал автор, - чтобы более поздние поколения христиан изобрели речь Христову перед отправкой апостолов на проповедь (Мф., 10). Ведь из неё можно заключить, что явление Сына Человеческого совершится прежде, чем ученики обойдут все палестинские города. Однако ничего подобного не произошло; не постигли апостолов и предсказанные Учителем бедствия и гонения: они вернулись к Нему благополучно, славя Бога». По мнению А. Швейцера, несбывшееся пророчество заставило Иисуса изменить свой образ действий. Его «мессианская тайна» объясняется тем, что хотя в действительности Он считал себя Мессией, но ждал особых апокалиптических событий, которые сделают Его мессианство явным для всех. Поскольку эти события не наступили, Иисус добровольно пошёл на смерть, желая их приблизить.

Автор писал: «Ошибка всех прежних исследователей состояла в том, что они приписывали Иисусу сублимацию позднеиудейских мессианских ожиданий, тогда как в действительности он попросту наполнил их своей этической религией любви. Тот факт, что глубоко духовная религиозность и нравственность могли сочетаться со столь наивно-реалистическими представлениями, поначалу кажется нам чем-то непостижимым. Тем не менее это так».

Дальнейшее развитие теологических идей А. Швейцера получило в его известной книге «От Реймаруса до Вреде, 1906» (во 2-м издании 1913 г. она была озаглавлена «История исследования жизни Иисуса»). В этой 800-страничной книге Швейцер рассмотрел основные концепции евангельской истории, главным образом протестантских авторов и представителей рационализма в библеистике (Шлейермахера, Штрауса, Ренана, Вайсса и др.). Выступая против своих предшественников и современников в библейской науке, А. Швейцер создал ещё один вариант образа «исторического Иисуса». Так, он принял распространённое со времён Э. Ренана деление евангельской истории на два периода, но истолковал их по-своему. Прежде считалось, что первый, галилейский, период был отмечен успехом проповеди Царства Божьего, второй был временем отвержения Мессии, а переломным моментом, разделившим два периода, стало умножение хлебов у Вифсаиды, когда толпа пыталась провозгласить Иисуса царем. По мнению же автора, перелом наступил после возвращения учеников, посланных на проповедь. Отправляя их возвещать Царство Божье, Иисус надеялся, что они, пройдя через горнило испытаний, увидят Его преображение и явление в качестве Мессии ещё до того, как обойдут Палестину. Убедившись в своей ошибке, он решил, что сможет освободить верных от испытаний, если как Мессия, Служитель Господень, добровольно пойдет навстречу смерти.

А. Швейцер обратился к главному вопросу своего духовного поиска: кем был Иисус, ограничиваясь дилеммой «Мессия» или пророк «Эсхатона (последних дней)». При

этом основной акцент делался на выяснении самосознания Иисуса и его восприятия современными последователями. «Кем является для нас исторический Иисус, если отбросить все ложные представления прошлого? ... Дело Иисуса заключается в том, что его естественная и глубокая нравственность, приняв в наследие позднеиудейскую эсхатологию, дала выражения надеждам и жажде этического миросовершенствования, воспользовавшись для этого языком представлений того времени... Прибегнув к помощи истории, мы освобождаемся от тех представлений, которыми он пользуется. Однако мы не можем не склоняться перед стоящей за ним могучей волей и стараемся служить ему сегодня, тем, чтобы он возродился уже в нашей (*воле*) для новой жизни и деяний», - писал автор. Суть дела заключалась не в том, кем считали Иисуса окружающие и даже не в том, кем он сам себя представлял, - действительный вопрос был в том, кем он являлся исторически или, говоря современным языком, в чём состояла его *историческая сверхзадача* [Фёдоров И.А., 2000].

Самым ценным в учении Иисуса, с точки зрения Швейцера, является то, что он, ожидая космической развязки, за короткое время успел сформулировать принципы своей этики. Это была этика «периода ожидания», исходящая из учения пророков. В проповеди Иисуса важна не её иудейская оболочка, связанная с эсхатологией, а учение о любви. Освобождённое от исторически преходящего и дополненное этикой «благоговения перед жизнью», оно может стать мощным этическим импульсом для современного человечества. Отказываясь назвать Иисуса Сыном Божьим, А. Швейцер верил, что именно в Нём «Бог явил Себя как волю к любви», что «через единение со Христом единение с Богом совершается в единственно доступной нам форме». Тайна остаётся и не подвергается окончательному рационализированию.

Свою книгу о поисках «исторического Иисуса» Швейцер закончил знаменательными словами: «Он приходит к нам Неведомый, как пришел Он некогда на берег озера к людям, не знавшим Его. Он говорит и нам: "Следуй за Мной!" и ставит перед нами задачи, соответствующие нашему времени. Он зовет. И тем, кто повинуется Ему - мудрецам и простым людям, - Он открывает Себя в труде, в борьбе, в страданиях, через которые Он ведёт Своих учеников; и на собственном опыте, как невыразимую тайну, они постигнут, кто Он». В целом в этой работе автор отвергал попытки модернизировать Иисуса или отказать ему в историчности. А. Швейцер подчеркивал эсхатологический характер миссии Христа и усмотрел в его страданиях средство достижения Царства Божия на земле.

В 1911 г. в Тюбингене вышла небольшая книга Швейцера об апостоле Павле «История толкования учения апостола Павла со времён Реформации до наших дней».

Идеи апостола, фигура которого уже давно привлекала Альберта Швейцера, занимали большое место в трудах его студенческих лет. Особенно много Швейцер занимался постижением наследия Павла в последние два года учебы и в год практики. А. Швейцера привлекало в апостоле Павле «абсолютное и непоколебимое уважение к правде»: Павел «не принимает в расчет, будут ли толкования, к которым он пришёл, лежать в рамках взглядов, царивших в христианской общине, и могут ли они быть признаны приемлемыми для веры». Швейцер тоже, как известно, «не принимал в расчет» подобных соображений. Он писал, что «вере нечего бояться мышления, даже если оно потревожит её мир и поведёт к столкновению, результат которого покажется губительным для благочестия». Альберт Швейцер никогда не боялся «губительных последствий» того, что считал истиной.

В работе об учении Павла Швейцер применил свою самую существенную теологическую гипотезу и для начала высказал предположение, не является ли объяснением многочисленных противоречий, находимых у Павла теологами, тот самый факт, что Павел, как и Иисус, разделял эсхатологические воззрения своего века. «С моим исследованием учения святого Павла, - писал автор, - произошло то же, что произошло ранее с работами о Тайной Вечере и жизни Иисуса. Вместо того чтобы ограничиться простым изложением своего открытия, я каждый раз взваливал себе на плечи написание истории проблемы». А. Швейцер признавался, что побудило его к этому восхищение «Метафизикой» Аристотеля, где принят именно этот способ. Вначале Швейцер думал, что он напишет на этот раз лишь обзорную литературно-историческую главу, но, как не раз у него бывало, глава выросла в книгу. Исследование об апостоле Павле подводила Альберта Швейцера ещё ближе, чем прежние труды, к проблемам этики, и слово «этика» всё чаще и чаще звучало на страницах книги.

Медицинская диссертация Швейцера «Психиатрическая оценка личности Иисуса», продолжала прежние его поиски «исторического Иисуса». Его Иисус, живущий в фантастическом мире позднеиудейской эсхатологии, показался некоторым из критиков существом, страдающим галлюцинациями и маниями, каким-то визионером. Поэтому А. Швейцер решил в своей работе выяснить с чисто психиатрической точки зрения, связаны ли эти мессианские предчувствия Иисуса с какими-либо психическими расстройствами. Специалисты-медики де Лоостен, Вильям Хирш и Бине-Сангле находили в поведении Иисуса признаки параноического умственного расстройства, отмечая у него, в частности, манию величия и манию преследования. Сами по себе работы эти были довольно незначительны, но, чтобы иметь основание анализировать их, Швейцеру пришлось глубоко уйти в исследование литературы о паранойе. Он пришёл к выводу, что

всерьез можно учитывать лишь высокое мнение Иисуса о себе и его галлюцинации во время крещения. Что касается мессианских ожиданий, то здесь, по мнению А. Швейцера, нельзя видеть никаких отклонений от нормы, ибо это попросту была широко распространённая система позднеиудейских воззрений. Даже самая мысль о том, что именно он является человеком, чьё появление как мессии возвестит приход высшего царствия, не заключала в себе, по мнению Швейцера, ничего болезненного, говорящего о мании величия.

Иисус происходил, согласно легенде, из дома Давида, а именно представителям этого дома пророки предсказывали роль мессии. То, что он до времени скрывал свой статус, тоже имело оправдание в позднеиудейских предсказаниях о знамениях прихода царствия; вот их-то совершенно не приняли в расчёт медики-критики, так же как не приняли они в расчёт всех прочих обстоятельств, которые довольно подробно разобрал А. Швейцер в своей работе. Знание историко-духовных реалий и условий, в которых жил Иисус, позволило автору сделать вывод, отвечающий его ожиданиям: то, что Иисус осознавал себя мессией – факт, опровергаемый теологами того времени с помощью той же аргументации, которой пользовался ещё Вреде, - не имела ничего общего с манией величия. В медицинской диссертации Швейцера биографы и критики отмечали один из важнейших принципов его исследования - постоянное противопоставление открытий исторической науки и субъективных утверждений веры [Носик Б.Н., 1970].

На философские воззрения А. Швейцера наложили определённый отпечаток немецкая философия жизни и идеи предтечи экзистенциализма датчанина С. Кьеркегора. Философская позиция Швейцера во многом родственна воззрениям В. Дильтея, одного из ведущих представителей немецкой философии жизни. Их объединяла оценка жизни как всеобщей ценности, понимание прогресса и историзма как метода анализа духовных явлений. Но А. Швейцер не принимал дильтеевского психологизма и его мотивов социальной этики. В этике Швейцера много общего с позицией С. Кьеркегора (оценка роли переживания, значение воли, мотивы иррационализма, полемика с рационализмом Декарта и Гегеля). Однако А. Швейцер не принял безысходный индивидуализм, принцип субъективной истины, и в целом пессимистическую позицию датского философа. Видимо по этим мотивам он ни словом не упоминает о философии Кьеркегора [Карпушин В.А., 1970].

Исходный принцип мировоззрения Швейцера, окончательно сформировавшийся уже в зрелые годы, - факт жизни (противопоставляемый у него факту мысли как производному). Возражая декартовскому «я мыслю, значит, существую», А. Швейцер утверждал, что первично дан не сам по себе факт наличия мысли, но нечто гораздо более конкретное и содержательное, именно факт жизни человека в среде множества иных

жизненных форм: «Я жизнь, которая хочет жить в среде жизни, которая хочет жить». Из этих соображений выводился тезис, которому Швейцер всегда придавал решающее значение в системе своих взглядов - «Преклонение перед жизнью» («Ehrfurcht vor dem Leben», «veneratio vitae»). Стремление сохранить и развить всякую жизнь призвано, по его словам, стать основой этического обновления человечества, противостояем от холодной рассудочности, скептицизма и бесчеловечности современной цивилизации. Требование «преклонения перед жизнью» у А. Швейцера выступало как высшее достижение знания. Но оно приобретало вес, лишь будучи подкрепленным авторитетом образа Христа. Если у Тейяра де Шардена залогом оптимизма был имманентный миру и целенаправленный разум, то у Швейцера оптимизм гарантировался божественностью нравственного духа. В самой же реальности такой гарантии он не видел.

Когда во время домашнего ареста в Ламбарене во время Первой мировой войны у А. Швейцера появилось свободное время, он приступил к систематическому изложению своих взглядов о преклонении перед жизнью, которое затем вылилась в эпопею о философии культуры. Он писал под непосредственным впечатлением величайшей катастрофы, которую когда-либо переживало человечество. Война охватила и обрекла на страдание весь мир. Потрясённый этой катастрофой Швейцер пытался выявить её причины: «За работой я уяснил для себя связь между культурой и мировоззрением. Я понял, что катастрофа культуры – следствие катастрофы мировоззрения». Автор делал вывод: «Идеалы истинной культуры поблекли, потому что мы постепенно утрачиваем идеалистическое мировоззрение, в котором они коренятся... Единственно возможный выход из хаоса – вновь обрести мировоззрение и вновь подчиниться заключённым в нём идеалам истинной культуры».

В своём новом труде А. Швейцер провозглашал *принцип благоговения перед жизнью*: «В то время как человек, отныне становится мыслящим, испытывает потребность относиться к воле к жизни с тем же благоговением, что и к своей собственной, он ощущает другую жизнь как часть своей. Благом считает он сохранять жизнь: помогать ей; поднимать до высшего уровня жизнь, способную к развитию; злом – уничтожать жизнь, вредить ей, подавлять жизнь, способную к развитию. Это и есть главный абсолютный принцип этики». Далее он делал такое заключение: «Этика благоговения перед жизнью, таким образом, объемлет всё, что можно назвать любовью, преданностью, сопереживанием в горе и в радости сопричастностью».

Летом и осенью 1922 г. Швейцер продолжал работу над своим программным трудом по философии культуры. Весной 1923 г. были готовы её первые 2 части. В том же году в Мюнхене и Берне была издана 1-я часть – «Упадок и возрождение культуры (Verfall

und Wiederaufbau der Kultur. Kulturphilosophie. Erster Teil)». В этой работе этический пафос пронизывал протест А. Швейцера против «гротескного прогресса» современного западного общества, враждебного подлинной «этической культуре», утратившего этические идеалы, завещанные ему Просвещением и рационализмом XVIII века. Критика Швейцера современного общества - это критика с позиций гуманизма.

А. Швейцер критиковал европейскую культуру XIX и XX веков. Он указывал на разрыв между материальным и техническим прогрессом и духовным развитием, на растущую диспропорцию между инженерными достижениями и развитием в обществе морали и нравственности. Швейцер предупреждал, что нравственность падает, и общество находится на грани кризиса. В этой работе он писал, что современные ему достижения науки и техники привели к появлению таких форм общественных отношений, которые способствовали упадку нравственности, заменяя высокие идеалы стремлением к личному обогащению и отрицанию общественных моральных норм. Таким образом, научно-технический прогресс повсеместно сопровождался разрушением общества и углублением несоответствия между нуждами отдельных людей и общества в целом.

А. Швейцер особое внимание уделил одной из главных идей национализма. В формулировках Швейцера появилась хлесткость, которой не было раньше в его работах: «Что такое национализм? Это низменный патриотизм, доведенный до потери всякого смысла и имеющий такое же отношение к его благородной и здоровой разновидности, какое навязчивая идея, овладевшая идиотом, имеет к нормальным человеческим убеждениям». А. Швейцер писал об упадке буржуазной культуры вообще и об упадке европейской культуры. Взбесившийся Берлин и взбесившийся Париж могли равно узнать себя в этом спокойном научном описании. «Как всё ещё тесно связаны между собой духовно нации, составляющие великое сообщество цивилизованного человечества, - писал Швейцер, - подтверждено тем фактом, что они одновременно, бок о бок, пережили тот же упадок». Как и крупнейший французский писатель Ромен Роллан, Альберт Швейцер стоял «над схваткой» народов.

Отстаивая идею свободного и нравственного индивида, Швейцер выступал против господства «всеобщего» над «конкретно-личным». В экзистенциальном духе он противопоставлял два жизненных принципа: волю как выражение свободного и нравственного существа человека - знанию (пониманию) как такому отношению к жизни, в основе которого лежит стремление к подчинению внешней необходимости. По мысли А. Швейцера, «понимающее» отношение к миру приводит к скептицизму, выражающему «духовное банкротство цивилизации». Швейцер противопоставлял культуру цивилизации, критиковал «техническую эру» и «внешний прогресс». Согласно А. Швейцеру, этика

призвана органично сливаться с культурой, что должно обеспечить прогресс человечества, духовное совершенствование индивида. Критерием развития культуры он считал уровень гуманизма, достигнутый конкретным обществом. Швейцер ставил своей задачей создание философски обоснованного и практически применимого оптимистического мировоззрения, способного утвердить человеческую личность в неблагоприятных условиях и восстановить её творческую активность. С этой гуманистической позиции А. Швейцер беспощадно критиковал нравственное состояние современного общества, переживающего глубокий духовный кризис.

В конце 1923 г. была издана 2-я часть его философско-культурологического исследования под названием «Культура и этика (Kultur und Ethik. Kulturphilosophie. Zweiter Teil)». В этой работе Швейцер пытался своим этическим учением о благоговении перед жизнью возродить принципы идеалистической философии. Он полагал, что предшествовавшие философские системы, в том виде как они освещались Кантом, Фихте, Гегелем и другими философами, согласно которым мировоззрение этического жизнеутверждающего отношения к миру «должно вытекать из решения теоретических гносеологических проблем или же из логического постижения бытия», в условиях реальной эволюции мира оказались творениями фантазии [Freyer P.H., 1978]. Значительное место в книге уделено истории этических идей и критическому анализу этических систем (со времен Древней Греции до конца XIX века) с точки зрения провозглашённой А. Швейцером этики активного самосовершенствования и благоговения перед жизнью.

По мнению Швейцера, факт бытия, жизни предшествует факту сознания, мышления, понятия «абсолютное», «мировой дух» - суть нечто вымышленные. А. Швейцер признавал естественное, историческое происхождение морали, связывая его с зарождением человеческой общности и расширением в дальнейшем круга солидарности людей. Основу нравственности великий гуманист искал в свойственном всему живому универсальной воле к жизни, в стремлении прожить жизнь полнее и совершеннее, бессознательному у животных и осознанному у человека. На эти онтологические взгляды Швейцера повлияли идеи И.В. Гёте, а через Гёте – Спинозы [Петрицкий В.А., 1982]. Именно в них отразилась присущая А. Швейцеру склонность «к обретению в философии твёрдой почвы действительности». В экзистенциальном аспекте Швейцер противопоставлял волю как свободное выражение существа человека знанию, в основе которого лежит стремление подчинить внутреннее внешнему. А. Швейцер считал, что «чистый разум» не в состоянии проникнуть в мир вещей и что «чистая теория познания» невозможна, и только онтологические основания дают возможность рассудку

существовать и функционировать. В этом Швейцер был близок к русскому христианскому философу Павлу Флоренскому (1911), который считал истину самодеказательным субъектом, чьё бытие доказуемо лишь на опыте [Фуртай Ф., 2000].

«Мировоззрение этического жизнеутверждения» для А. Швейцера вытекало не из логического познания мира, а из нравственных принципов, присущих действующему субъекту, из сознательного восприятия мира, из этики благоговения перед жизнью. Швейцер вкладывал в понятие «Благоговение перед жизнью» очень широкий смысл – наиболее благоприятные условия существования для всех живых существ и всех составляющих такого существования. Важнейшими из таких составляющих являются наилучшие биологические условия для существования жизни в любой форме. Наиболее полно и кратко А. Швейцер разъяснил смысл понятия «благоговение перед жизнью» в следующей фразе: «Благоговение перед жизнью включает все её стороны, известные нам как любовь, преданность, сопереживание, взаимное счастье и все другие совместные переживания и действия». В этом определении заложены духовные силы и возможности человека, реализуемые в соответствующих условиях.

В книге «Культура и этика» Швейцер ставил перед собой задачу пробудить в современном ему обществе стремление к созданию философски обоснованного и практически применимого оптимистически-этического мировоззрения, считая основной причиной упадка культуры в западном обществе отсутствие такого мировоззрения. При этом он полагал, что необходимо отказаться от оптимистически-этической интерпретации мира в любой её форме, что ни миро- и жизнеутверждение, ни этику невозможно обосновать, исходя из познания мира. Он провозглашал независимость жизневоззрения (этики) от мировоззрения, пессимизм познания и оптимизм действия, практики. Этот оптимизм, как полагал А. Швейцер, коренится в нашей воле к жизни, наиболее непосредственным и наиболее глубоким проявлением которой является благоговение перед жизнью. Этическое таит в себе высшую правду и высшую целесообразность.

Сутью христианства для Швейцера было мистическое соединение со Христом. Однако эта мистика имела не метафизический, но этический характер, а христианская этика понималась им как «этика активной любви». Человек в этике А. Швейцера ведёт себя осмысленно, ответственно и великодушно [Зимбули А.Е., 2000]. Отсюда Швейцер вывел основной этический принцип «благоговения перед жизнью», требующий сохранения и совершенствования жизни. Поэтому нравственность, по А. Швейцеру, - не только закон, но и коренное условие существования и развития жизни. «Благоговение перед жизнью» должно, по его мысли, стать основой этического обновления человечества, выработки норм универсальной космической этики.

В последующие годы Швейцер неоднократно пытался сформулировать основные идеи 3-й и 4-й частей «Философии культуры», но затем бросал эти попытки, оставив только фрагментарные наброски.

Ещё не успела выйти книга «Культура и этика», как А. Швейцер приступил к работе над эссе «Христианство и мировые религии» (1923), в котором определяя отличительную особенность христианской традиции, назвал её «религией Царства Божия», которая «живёт горячей надеждой на лучший мир», «желает преобразования мира» и «надеется на него». Автор отмечал, что для первых христиан «решение проблемы заключалась в том, что Бог скоро преобразует этот естественный мир в совершенный мир Царства Божия» и признавал, что европейское сознание, включая современное, проникнутое мыслью о том, что «при условии активного этического поведения людей Царство Божие может быть осуществлено на земле». Благодаря этому качеству «христианство оптимистично, потому что оно не бросает этот мир на произвол судьбы, не уходит, подобно брахманизму и буддизму, в отрицание мира и жизни, а определяет человеку место в этом мире и повелевает ему жить и работать в нём в духе этического Бога. К тому же христианство заверяет его, что так или иначе цель Бога относительно мира и относительно человека осуществится ...».

Из этой генетической неоднородности христианства, точнее, из непонимания до конца её исторической природы, проистекает постоянное противоречие между сознанием «божественной заданности» преобразовательного «посыла» и горькой констатацией того факта, что все подобные усилия (в том числе самого Иисуса) пока оказываются тщетными. Пытаясь разрешить эту коллизию, Швейцер даже находил «глубокий смысл в том, что органическая связь (которая нам представляется столь естественной) между этическими действиями человека и осуществлением Царства Божьего не реализуются. Это значит, что мы должны быть этическими не только потому, что предполагаем таким путём достигнуть определённой цели, а из внутренней необходимости, чтобы стать детьми Духа Божьего и уже в этом мире быть исполнителями Его воли». А. Швейцер в этом эссе сделал вывод: «Устанавливая свою этику, Иисус не имел в виду решение проблем создания абсолютно этического существа. Он проповедовал этику людей, совместно стремящихся достигнуть полной самоотдачи по отношению к Божьей воле Его не интересует, приведёт ли соблюдение этих заповедей к установлению соответствующего порядка и возможен ли такой закон в человеческом обществе; Он ведёт нас выше всех соображений целесообразности – к внутренней необходимости исполнения воли Бога».

Затем Швейцер обратился к своим прежним исследованиям по апологетике учения апостола Павла. Результатом явилась 500-страничная книга «Мистика апостола

Павла (*Die Mystik des Apostols Pauls*), 1930», изданная в Тюбингене. Согласно автору, апостол Павел в ожидании конца света считал, что с земной смертью Иисуса началось превращение земного царства в неземное, но в его представлении это превращение должно было иметь характер не рая земного, а некоего космического свершения.

«Мистическая христология Павла, - утверждал А. Швейцер, - говорит нам гораздо больше, когда она предстаёт в огне эсхатологической мысли первых христиан, нежели когда пересказывается в современных догматических (или современных не dogматических) терминах.

В «Мистике апостола Павла» Швейцер писал о непреходящих духовных ценностях христианства и ставил его выше других мировых религий. При этом А. Швейцер исходил из своих представлений о природе религии как таковой, так и из своего духовного опыта. Он выделял существо религиозной истины, которое не меняется с течением времени, и её форму, на которую накладывает отпечаток мировоззрение эпохи.

Главная религиозная проблема для Швейцера – это проблема смысла человеческого существования. Все религии решают её, устанавливая связь ограниченного и несвободного человеческого бытия с божественным бытием, обладающим бесконечной полнотой. Однако в разных религиях эта связь понимается по-разному. В христианстве, с точки зрения А. Швейцера, подчёркивалось, что мы знаем Бога и принадлежим Ему через любовь. Это выражается в том, что содержащиеся в Евангелии этические требования истинной любви настолько высоки, что, по существу, значили требования не подчиняться правилам земного мира и указывали на необходимость уже в земной жизни жить по законам иного, идеального мира – Царства Божия. Именно поэтому актуальны слова апостола Павла об умирании (для мира) с Христом. Люди должны быть этичными не для того, чтобы достигнуть какой-либо цели, а потому, что так хочет Бог. Этика Иисуса Христа не имеет в себе ничего утилитарного, ибо Он ждал конца мира в самом ближайшем будущем. Именно поэтому она является абсолютной и даёт решение религиозной проблемы, пригодное на все времена.

Этика апостола Павла «есть нечто необходимое выражение уже совершившегося через Бытие во Христе перенесения из земного мира в неземной». У апостола Павла мотив близости неминуемого конца усиливает этические побуждения: в избранных уже начался процесс умирания и воскресения с Христом, и они своей жизнью покажут, насколько Дух Христа овладел им.

Согласно Швейцеру, мистическое учение апостола Павла целиком определялось его размышлениями о смысле явления Иисуса Христа в рамках позднеиудейской эсхатологии. Павел понимал, что свершилось событие, которое иудейская эсхатология не

предвидела: Мессия уже побывал на земле в человеческом облике и умер, не признанный людьми. Вера Павла настолько сильна, что она перерастает у него в убеждение: со смертью и воскресением Христа преобразование природного мира в сверхприродный уже началось.

В автобиографической книге «Жизни и мысли» (1931) А. Швейцер так комментировал свою работу об апостоле Павле: «Мистическое учение Павла о бытии во Христе объясняется его представлением о наступлении мессианского Царства и конца света. В соответствии с воззрениями, перешедшими к нему и другим верующим от иудаизма, он полагал, что те, кто верят в Иисуса как грядущего Мессию, будут жить с ним в мессианском Царстве как сверхъестественные существа, тогда как их неверующие современники, а также люди прошлых поколений (начиная от сотворения мира) останутся вначале в могилах. И только в конце мессианского Царства (которое будучи сверхъестественным мыслилось тем не менее как временное), только тогда, в соответствии с позднеиудейскими воззрениями, совершится всеобщее воскресение, а за ним Страшный суд. И лишь с этого момента начнётся вечность, в которой Бог есть «всё во всём», то есть всё сущее возвращается к Богу». Человек, считает Павел, должен подняться до Иисуса Христа, родиться и умереть с ним, что и происходит в акте крещения, имеющем глубоко мистический смысл. Тем самым получает «разрешение» труднейшая задача перехода от раскаяния к активному действию.

Значительной вехой в творчестве Швейцера была его речь на 100-летию со дня смерти И.В. Гёте в оперном театре Франкфурта 22 марта 1932 г. Он говорил о милосердии судьбы, позволившей ему действовать в качестве свободной личности, не скованной ни профессией, ни организационной принадлежностью. Он говорил о том, что самого его судьба привела к тому, что он «с ясностью, проникающей до самых глубин души», испытывает беспокойство нашего времени. А. Швейцер поведал о трёх обязательствах, которые накладывал Гёте на каждого из современников: сохранить людям, измученным работой, возможности для духовного существования, несмотря на отвлекающие, чисто внешние обстоятельства; помочь людям отыскать дорогу к внутреннему миру; бороться с самими собой, чтобы в эту пору смятенности идеалов остаться верными великим гуманистическим заветам XVIII века.

Швейцер говорил, что в полном «соответствии со своей природой И.В. Гёте был с младенческих лет до старости полон сердечности и сочувствия. Как мы знаем из многочисленных свидетельств, он не отстранял никого, кто по-настоящему в нём нуждался. И поскольку это было для него совершенно естественным образом действий, он старался оказать наиболее активную помощь там, где ему встречались бедствия духовные и сердечные». Весьма продуктивные ассоциации рождало рассуждение А. Швейцера о

мотивах, переплетающихся в высказываниях Гёте: это мотив достижения благородства, мотив, обусловленный чувством вины, и мотив облагораживающего влияния женщины [Носик Б.Н., 2003].

Анализируя творчество И.В. Гёте, Швейцер подчёркивал, что великий поэт и философ призывал к исследованию в рамках Конечного постижимого, но не относился с почтительностью к тому, что не поддаётся исследованию. Для Гёте было достаточно признания, что «Природа – это жизнь и переход от неведомого ядра к неразличимой окраине». «В своём отрицании целостного мировоззрения И.В. Гёте был одинок в эпоху, когда царила спекулятивная философия. Гёте принимал этическую мысль как проявление Природы. Необъяснимым путём он приобретал уверенность, что первопричина Вселенной есть первопричина любви, и любовь эта, исходя из Бесконечного, страдает нам и стремится быть в нас активной», - говорил докладчик.

В октябре 1934 г. А. Швейцер читал в оксфордском Манчестер-колледже цикл лекций об этике и современной культуре. Эти лекции стали продолжением его «Культуры и этики» и включали идеи и фрагменты неизданных 3-ей и 4-ой частей его культурологическо-философской эпопеи. В этих лекциях Швейцер предупреждал, что мышление, выпускаемое из рук штурвал совершенно бесперспективно и что момент этот ужасен: «Человек завоевал власть над силами природы и достиг тем самым положения сверхчеловека, став в тоже время человеком глубоко несчастным! Ибо эта власть над силами природы используется не на благо человека, а для разрушения».

Он поведал слушателям о машинах, создающих безработицу и об опаснейшем оружии: «Сирены режут, возвещая воздушные налёты. И люди, вобрав головы в плечи, бегут в подземелье, а над ними, как сверхчеловек, летает по воздуху их собрат, наделённый огромной силой разрушения». И в такой момент, когда во множество раз выросла потребность человека обрести идеалы, мышление пасует, не даёт человечеству идеалов, необходимость в которых так велика [Носик Б.Н., 2003].

Верный своим воззрениям А. Швейцер, призывал «смотреть на звёзды»: «Мышление, поддерживаемое контакт с реальностью, должно поднимать взгляд к небесам ..., должно отважиться поднять взгляд на закрытые окна сумасшедшего дома. Должно смотреть на звёзды и понимать, как мало места занимает во Вселенной наша Земля. Смотреть вниз на Землю и понимать, как мал человек на ней В истории Вселенной жизнь человека на Земле лишь секунда. Кто знает, не будет ли Земля снова вращаться вокруг Солнца без человека? А потому мы не должны помещать человека в центр. И наш взгляд должен быть устремлён на закрытые окна сумасшедшего дома для того, чтобы мы помнили, что умственное и духовное тоже подвержено уничтожению».

В этих лекциях Швейцер последовательно представил развитие своих новых идей «универсальной этики». «Чем больше мы вглядываемся в природу, тем яснее мы осознаём, что она полна жизни ..., что всякая жизнь есть тайна и что мы связаны со всякой жизнью, которая есть в природе. Человек не может больше жить только для себя. Мы осознаём, что всякая жизнь ценна и что мы связаны с этой жизнью. Из этого знания проистекает наше родство с Вселенной», - говорил лектор.

А. Швейцер предлагал вспомнить этику Платона и Аристотеля и расширить этику почитающих их стоиков и далее утверждал: «Понемногу в нашу европейскую мысль приходят понятия, что этика имеет дело не только с человечеством, но и с животными тварями. Это начинается со святого Франциска Ассизского. Объяснения, приложимые к людям, должны быть отброшены. Тогда мы придём к тому, что этика – это уважение всякой жизни». Швейцер дал здесь простейшее из определений своей этики: «Добро – это поддерживать и развивать жизнь, зло – это вредить жизни и разрушать её», он утверждал, что эта этика находит своё самое полное воплощение в любви.

Многие учёные 1-й половины XX в. вслед за В.И. Вернадским (воспринявшим идеи философии русского космизма) главный долг человека видели в сохранении биосферы. Этика А. Швейцера была последовательно биоцентричной, ибо жизнь признавалась высшей, самодостаточной ценностью, стремящейся к экоцентризму в тех положениях, в которых мыслитель касался вопросов взаимосвязи человека и универсума, не конкретизируя отношения человека к компонентам неживой природы - минералам, горам, озерам и т. п. При всём сходстве позиций есть одно очень важное различие во взглядах биоцентристов (Р. Эмерсон, Г. Торо) и Швейцера. Признавая человека частью природы, А. Швейцер подчеркивал его особую роль в мироздании. Человек - не пассивный созерцатель Космоса, но активный творец, несущий в мир новую гармонию и красоту, т. е. увеличивающий сферу добра. В этом представлении о высоком назначении человека он удивительно созвучен русским философам-космистам Н.Ф. Фёдорову и Н.Н. Бердяеву. Этика Швейцера - живая Этика, т. е. этика действия, которое осуществляется в мире здесь и сейчас через конкретные поступки, реализующие моральные убеждения и мировоззрение их носителей. Всей своей жизнью философ-гуманист доказывал справедливость и возможность осуществления в действии этики благоговения перед жизнью.

В 1935 г. находясь в родном Гюнсбахе, А. Швейцер занялся тщательным анализом индийской философии. У него было с ней немало «точек соприкосновения», несмотря на все расхождения с её жизнеотрицающим характером. Швейцер, разобравшись во всех тонкостях, проникновенно писал об учении Будды: «Даже если заповедь "не убий" и "не причини боли" начинается не с Будды, он является тем не менее зачинателем этики

сострадания. Ибо это он решил поставить на почву сострадания эту заповедь, проистекавшую первоначально из идеи отказа от действия и сохранения себя чистым от мира ...».

Тем не менее практически рассматривая ахимсу А. Швейцер утверждал, что принцип «не убий» не должен быть самоцелью, а должен быть подчинён состраданию, он должен вступать в практический спор с действительностью. Если бы индийская мысль занималась всей этикой, а не только этикой пассивного бездействия, то она не смогла бы, по мнению Швейцера, избежать и предпринять попытки практического столкновения с реальностью. От того, что она просто формулирует принципы «не убий» и «не причини вреда» как догму, она сумела на протяжении веков сохранить связанное с ней великое этическое учение. Так начиналась книга «Мировоззрение индийских мыслителей (Die Weltanschauung der indischen Denker, Mystik und Ethik), 1935».

А. Швейцер противопоставлял свой взгляд на буддизм как на учение активного добра традиционному восприятию буддизма как мистического нигилизма, свойственного, например, Шопенгауэру. Швейцер понял, что буддизм основан на принципе обращения к реальности, на принципе разрушавшем надежду на помощь извне. Вслед за буддийскими мыслителями он уверовал, что нет ничего внешнего, всё внутри человека. Общая мысль буддийской идеологии, заключающаяся в том, что мир лишь на поверхности разобшён, оказалась очень важной для мировоззрения А. Швейцера [Завадская Е.В., 1970]. Эта мысль привела его к серьёзному этическому выводу: целостность личности, живущей в глубокой связи с миром, наполняет жизнь человека сверхъестественной устойчивостью, светом и радостью, ибо «где исчезает желание уничтожить, там прекращается страдание».

В своей работе, которая в какой-то степени являлась дополнением к основному философскому труду А. Швейцера «Философия культуры», автор анализировал причины кризиса западноевропейской культуры и в поисках ответа обращался к древнеиндийской философии и к величайшим индийским мыслителям: Рамакришне, Вивекананде, Тагору, Ауробиндо и др. Швейцер знакомил читателей с основными идеями индийской философии на протяжении трёх тысячелетий. Вся книга построена таким образом, что развитие индийской мысли рассматривается как взаимодействие и борьба двух мировоззрений: этического и мистического.

Данное А. Швейцером в этой книге определение и толкование брахминизма, упанишад, санкхья и, особенно, Будды, представляло собой замечательный вклад в историю мировой культуры. Швейцера не удовлетворял анализ индийской философской мысли, данный европейцами, которые, на его взгляд, не пытались установить черты общности между западной и индийской философией. По его мнению, имелись основные

моменты, общие для любой философии. Для А. Швейцера это, прежде всего, было жизнеутверждение и жизнеотрицание, проблемы этики, отношение философа к этике и проблемам мира. Европейская этика, считал Швейцер, зашла в тупик. «Запутанность и беспомощность европейской философии, - писал он, - связана, прежде всего, с недостаточным вниманием к основной цели - поиску правильного духовного отношения к бытию». Этот поиск должен опираться на всё самое ценное и жизнеспособное как в индийской, так и в западной мысли. Ни одна из них «не вправе претендовать на исключительную правоту, - напоминал он, - обе на свой лад недостаточны и несовершенны». Между тем индийская «монистическая» мысль исходит из идеи единства человека со всем сущим. В одной из упанишад отец, обращаясь к сыну, обосновывает эту идею единства словами, которые на санскрите звучат как «тат твам аси», т. е. «ты есть то» (тат - «это», «то», Брахман, Абсолют; твам - «ты», индивидуальное «я», Атман). А. Швейцер ссылается на эту формулу. Она для него, несомненно, связана с древнеиндийской заповедью ахимсы - «неубиения», «непричинения зла». Ведь если человек осознает своё единство со всем сущим, он не может причинить вреда ничему живому, не страдая от этого сам [Харитонов М.С., 1988].

Швейцер высоко оценивал универсальность индийской этики, которая в своём развитии пришла к признанию «того факта, что наше этическое поведение должно касаться не только нашего ближнего – человека, но и всех живых существ». Одновременно он сформулировал пожелания к будущей индийской философии: «Мы ждем такого индийского мыслителя, который представит нам мистику духовного единения с бесконечным бытием в её подлинном виде, а не в том, в каком она изложена и истолкована в древних текстах».

В книге «Мировоззрение индийских мыслителей» А. Швейцер также анализировало философские взгляды Ганди, с которым был лично знаком и связан многолетней перепиской [Носик Б.Н., 2003].

В начале 1950-х годов Швейцер продолжил свои теологические исследования в эссе «Идея Царства Божия в эпоху преобразования эсхатологической веры в неэсхатологическую». С точки зрения А. Швейцера вера в Христа была у апостола Павла чисто эсхатологической, но форма, которую он ей придавал обеспечила дальнейшую эллинизацию. Когда со временем эсхатологическая надежда на близость второго пришествия Христа начала ослабевать, Юстин и Игнатий истолковали ставшее теперь уже непонятным мистическое учение об умирании и воскресении в терминах греческой метафизики, заменив его мистической концепцией Логоса, который после земной смерти Христа стал функционировать через хлеб и вино Евхаристии. Это истолкование было

завершено в Евангелии от Иоанна. Так христианская вера приняла форму, в которой она оказалась способной пережить крушение эсхатологических надежд. Но в рамках эсхатологической концепции нашла естественное решение и проблема христианских таинств. Известные ритуальные действия, ранее не носившие характера таинств, становятся таинствами, когда они соединяются с эсхатологическими представлениями о спасении, их эволюция ведёт к эволюции представлений о сущности таинств.

В своей лебединой песне – книге «Учение о благоговении перед жизнью» (*Die Lehre von der Ehrfurcht vor dem Leben*), 1966» Швейцер утверждал, что ощущение благоговения перед жизнью и сопереживания со всеми живыми существами есть первый шаг к подъёму на новый нравственный и духовный уровень. Тот, кто достиг этой стадии, будет испытывать её всегда, так как станет высоконравственной личностью. Нравственность будет пребывать в нём, станет его частью, и он не сможет её лишиться. Тот, кто никогда не ощущал подобного, тот достиг лишь первой стадии нравственности через размышление и не носит её в себе постоянно. Он может легко лишиться этой нравственности.

Одним из критериев высочайшей нравственности является «деятельная доброта». Ведь по-настоящему добрый человек добр всегда, так как стал нравственным. Он выражает эту доброту своими делами в течение всей жизни. Такой человек, испытавший истинное чувство единения со всеми живыми существами, разделёнными на непримиримые группировки в реальном мире. Истинно добрый человек испытывает благоговение перед жизнью, и это благородное благоговение определяет его личное отношение со всеми окружающими. Каждый способен сопереживать вместе с другими, и потому каждый способен испытывать благоговение перед жизнью. Помимо «деятельной доброты» Альберт Швейцер считал одним из критериев величайшей нравственности активное участие в улучшении социальных и межличностных отношений [Lazari-Pawlowska I., 1976].

Этика благоговения перед жизнью и её составная часть – идея нравственности, как определял её Швейцер, равнозначны идеи братской любви. Разница между ними заключается в том, что этика благоговения перед жизнью охватывает не только отношения между людьми, но и отношение человека к самому себе (т. е. к подъёму своей жизни на наивысший уровень нравственности) и тем самым идёт дальше понимания братской любви в том виде, в каком она существовала в европейской культуре (для европейца братская любовь существовала только между людьми, а в этической системе благоговения перед жизнью – между всеми живыми существами). Благоговение перед жизнью становится частью человеческой стратегии по отношению к природе. У истоков

его лежит осознание родства человека и других форм жизни, стремление к гармонии всего живого. Это возвышенное чувство должно быть проверено критической мыслью, соотнесено с общественно-исторической практикой человечества [Артановский С.Н., 2000].

В этике А. Швейцера нашли представления современного универсализма [Imelinski A., 1997]. Она не знает национальных и религиозных ограничений, она стоит выше их. Она является шагом вперёд к совершенствованию человеческого общества и личности и его этическому, духовному и моральному развитию. Швейцер прекрасно продемонстрировал связь этики и прагматики, когда прагматика, будучи этической в своей ориентации, в то же время полностью свободна от предрассудков, расхожей морали и строится на сугубо рациональной основе [Гусейнов А.А., 1992].

А. Швейцер был несомненно прав в том, что в современном мире нет более важной и значимой задачи, чем соединение цивилизации с моралью, культуры – с этикой, и что эта задача является испытанием, вызовом не только для человечества в целом, но и для каждого человека в отдельности.

Характерной чертой мировоззрения Швейцера является особое, только ему присущее сочетание рационального мышления и мистики. Мышление приводит к мистике, обнаруживая непостижимость тайны жизни и мира. «Величайшее знание – знание того, что мы окружены тайной Рациональное мышление, если оно идёт вглубь, неизбежно заканчивается иррациональностью мистики. Это и понятно: ведь оно имеет дело с жизнью и миром, а каждая из этих реальностей не рациональна», – утверждал великий мыслитель. Отличительной особенностью мистики А. Швейцера состояло в том, что мысль не противопоставлялась мистическому чувству и подавлялась им, а контролировала и направляла его. Поскольку благоговение перед жизнью – это мистическое переживание, мистика лежит в основе этики. Но она же создаёт для неё угрозу. Неподвластная мышлению мистика легко становится надэтической: слияние с бесконечным, пассивное растворение в нём переживается как наивысшая ценность. Мышление не позволяет вступить на этот путь: оно напоминает о других жизнях, нуждающихся в помощи [Чернявский А.Л., 1996]. Мистика благоговения перед жизнью открывает иную возможность: связь с бесконечным устанавливается в ней посредством этического действия. Так рациональное мышление даёт толчок мистическому переживанию, которое, в свою очередь, не позволяет этическому идеалу оставаться чисто мыслительным знанием, оно охватывает человека целиком. «Этика, порождённая размышлением, - подчёркивал великий мыслитель, - это не "благодарная этика". Она не рациональна и не энтузиастична. Она не даёт ничего, что напоминало бы тщательно

отмеренный круг обязанностей, но налагает на человека ответственность за всю жизнь, лежащую в пределах его достигаемости, и вынуждает его посвятить себя делу помощи этой жизни».

Ценнейшим приобретением в этическом учении А. Швейцера, несомненно, была разработка им принципа «человек и природа». Задолго до современного экологического кризиса мыслитель предложил расширить сферу распространения морали и включить в неё отношения людей к природе. «Этика, по Швейцеру, есть безграничная ответственность за всё, что живёт» [Гусейнов А.А., 1992]. Таким образом великого гуманиста и мыслителя можно по праву считать предтечей экологической этики.

Этика А. Швейцера не признавала никаких связей с гносеологией и являлась непосредственным выражением онтологической активности человека, его воли к жизни. Швейцер постулировал мистическую природу этики, которая, тем не менее, реализуется в рационально осмысленных и санкционированных разумом действиях человека. Поэтому Альберта Швейцера иногда называли сторонником «метафизического скептицизма». Действительно, термины «Абсолют», «Мировой Дух» и т. п. представлялись ему лишёнными смысла. Вера, по его мнению, рождается не из метафизических спекуляций, а из чувства непостижимости бытия. «Знание о Боге, извлекаемое в процессе изучения природы, - утверждал он, - всегда несовершенно и неадекватно». Ведь природа - начало безличное и внеэтическое. Только во внутреннем опыте человек открывает Божество как Личность, как нравственную Волю. Догматизм и метафизика создают системы, которые пытаются примирить познание реальности и через природу, и через дух. Но логическим путём примирение это недостижимо, о чем свидетельствует вся история мысли и религии.

Как теолог Швейцер был уверен, что величайшей задачей современного богословия является воссоздание исторической правды об условиях, приведших к появлению раннего христианства, а также распространению этих идей в современном мире. Он считал, что глубокая религиозность заключается в самосовершенствовании человека, которое приводит к достижению всё новых высот и способно обозначить царство Божие на земле. Для А. Швейцера основным элементом христианства было общение с Богом через любовь к людям, через отдачу им самого себя [Левада Ю.А., 1967]. Он искал «рациональный мистицизм» в либеральном христианстве, когда оно уже не было столь распространённым.

Альберт Швейцер как музыкант и музыковед

Музыка играла огромную роль в жизни Альберта Швейцера. Возможно, она способствовала формированию его мировоззрения. Музыка, особенно произведения Баха, помогали ему в нравственном развитии, углублении мышления и личном опыте в окружающем мире. Более 80 лет Швейцер занимался музыкой и более 60 – музыкальным творчеством и музыковедческими исследованиями.

Музыкальность, причём связанная с высоко духовной церковной музыкой была унаследована Альбертом Швейцером от предков. Музыкальные способности проявились у ребёнка очень рано. Первые уроки музыки на «стареньком квадратном рояле» он получил в 5 лет от отца-пастора. Страсть к органу, на котором маленький Альберт начал играть в 8 лет была воспринята от деда по материнской линии Иоганна Шиллингера, бывшего органистом, как и его три брата. Дед со стороны отца также занимал должность церковного органиста. От него Альберт унаследовал страсть к органу не только как к музыкальному инструменту, но и как к интересному техническому устройству [Абрамов А., 2010]. С 9 лет Швейцер-ребёнок периодически играл на органе в церкви вместо штатного органиста, в 16 лет исполнял такое сложное произведение, как реквием Брами. Затем он стал брать уроки музыки у выдающихся мастеров, таких как Эуген и Эрнст Мюнхи, Шарль-Мари Видор, который стал его наставником в музыке. Молодой Швейцер также обучался в Париже игре на фортепьяно у Айседоры Филипп и Мари-Жозефы Траутман. Обучаясь музыке в 1899 г. у Карла Штумпера в Берлине, Швейцер начал изучать механизм передачи нервных импульсов от мозга к рукам исполнителя.

В 1898 г. вышла первая книжка А. Швейцера, которая была посвящена музыковедческому анализу рано умершего его учителя Эугена Мюнха. На рубеже XIX-XX веков А. Швейцер стал известен как органист и музыковед. В церкви святого Вильгельма в Страсбурге во время ежегодных концертов Швейцер был постоянным органистом. Он дал начало торжественным ежегодным концертам 28 июля каждого года – в день годовщины смерти И.С. Баха, который для Швейцера был объектом глубокого поклонения.

А. Швейцер любил музыку Рихарда Вагнера, Цезаря Франка и Шарля-Мари Видора, но более всего он восхищался музыкой Иоганна Себастьяна Баха, в котором видел «художника и христианина». Швейцер утверждал: «Слушая его музыку, я слышу речной поток, шелест листьев и рокот океана, колокола утешения и веры, ангелов, парящих в раю». Ещё в годы учения в Париже он удивлял своего учителя Ш.-М. Видора размышлениями о хоральных прелюдиях Баха с точки зрения особенностей отражения в них тех библейских сюжетов, к которым соответствующий хорал отсылает, - для

музыковедения того времени этот подход был совершенно нехарактерен. А. Швейцер более всего интересовался баховским наследием и отражением в нём протестантской религиозности.

В 1899 г. Ш.-М. Видор предложил Швейцеру написать небольшой трактат о хоральных прелюдиях И.С. Баха [Steffahn Н., 1979], и Альберт с энтузиазмом стал собирать материал. Он досконально изучил всю критическую литературу о Бахе и его времени, написанную в XVIII-XIX веках [Друскин М.С., 1970]. Этот трактат вылился в солидную книгу о Бахе, которая была завершена и опубликована на французском языке в 1905 г. под названием «Иоганн Себастьян Бах – композитор и поэт». Она стала самым выдающимся произведением о великом композиторе, в котором были отражены духовные основы творчества Баха и связь его музыки со Священным Писанием. В своём анализе автор соединил своё преклонение перед гениальным композитором и проникновением в философию, этику и поэтичность музыки Баха. Эта книга стала событием наступившего века, в ней «была раскрыта роль музыки в выражении чувств» [Gaerthner Н., 1985].

Швейцер подчёркивал, что 20 органных хоралов И.С. Баха являются своеобразным музыкальным словарём, «ключом к пониманию баховской музыки вообще». Он показал, что Бах любил в музыке передавать движение волн [Иконникова С.Н., 2000]. Это явно прослушивалось в кантате «Крадитесь, игривые волны», кантатах №№ 7, 56 и 81, кантате с оркестровым сопровождением № 1 и других произведениях. Движение облаков Бах живописует пассажами по ступеням гаммы, они движутся то в одном направлении, то в противоположном, сталкиваясь друг с другом. Любимым произведением И.С. Баха была для него токката и fuga ре-минор - пьеса, написанная для органа.

А. Швейцер писал в книге об И.С. Бахе: «Ввиду того, что его основные элементы проистекают из наглядных представлений, их легче установить, чем у Бетховена и Вагнера. Можно даже указать основные и производные элементы звукового языка Баха. Почти все характерные выражения, бросающиеся в глаза благодаря их постоянному повторению в кантатах и «Страстях», сводятся к 20-25 основным темам, обусловленным преимущественно зрительными представлениями. В качестве примера чётко отграниченных групп приведём следующие: ... мотивы шага для выражения уверенности, нерешительности, колебания; синкопированные мотивы утомления, изображающие тревогу; волнообразные линии, образно передающие мирный покой; змеевидные линии, вздымающиеся при слове «сатана», ... чарующие оживлённые мотивы, проявляющиеся, когда речь идёт об ангелах; мотивы приветственной, наивной радости; мотивы изумительной и благодарной скорби».

В своей книге Швейцер впервые высказал те принципы исполнения музыки И.С. Баха, о котором музыканты его времени думали каждый про себя [Скотникова Г.В., 2000]. Эти принципы касались и количественного состава баховского хора и оркестра, и указания на то, что для альты и сопрано Бах использовал только голоса мальчиков, и неуместности *crescendo* и *diminuendo* при исполнении баховской музыки-архитектуры, и недопустимости слишком быстрого темпа, препятствующему параллельному представлению развивающихся мелодических линий и фазировки, которая у Баха «полна жизни»: «Хорошо сыграть клавирную пьесу Баха – значит сыграть её так, как если бы она исполнялась струнным квартетом».

Тогда Ромен Роллан, недавно познакомившийся с Альбертом Швейцером, отмечал «отлично известное историкам музыки имя Швейцера – директора семинарии святого Фомы, пастора, органиста, профессора Страсбургского университета, автора интересных работ по философии, теологии и книги "Иоганн Себастьян Бах"» [Rolland R., 1905]. Друг и биограф А. Швейцера О. Краус впоследствии отмечал: «Его артистический темперамент и богатое воображение в сочетании с его выдающимся музыкальным талантом позволили ему описать музыку Баха как живописную музыку и открыть новую эру в интерпретации Баха». Вскоре после выхода книги Швейцер получил из Германии просьбу перевести её с французского на немецкий. Он согласился, и в процессе работы увеличил объём книги почти вдвое. А. Швейцер считал И.С. Баха величайшим композитором. По этому поводу он писал: «Его музыка поэтична и живописна, потому что её темы рождены поэтическими и живописными представлениями. Исходя из этих тем, музыкальная композиция развёртывается в совершенное архитектурное сооружение, построенное из звуков. Музыка, которая по самой своей сути является поэтической и живописной, предстаёт перед нами как готическая архитектура, претворённая в звучание. Самое великое в этом искусстве, которое так исполнено жизни, так удивительно пластично и уникально по совершенству формы, - это дух, которым веет от него. Душа, от земных тревог страстно стремящаяся к покою и уже вкусившая его, в этой музыке даёт возможность другим приобщиться к её духовному опыту».

Работая над исследованием творчества И.С. Баха, Швейцер возглавил Баховский хор. В 1904 г. им вместе со своим учителем Видором и коллегами - Бретом, Форе, Дюка и Д'Энди основан Баховское общество в Париже.

Одновременно, давая органные концерты, А. Швейцер стал непревзойдённым исполнителем произведений Баха. Он выступал во всеоружии теоретических и практических знаний как многоопытный концертирующий органист. Стефан Цвейг, специально приехавший послушать музыку И.С. Баха в исполнении Альберта Швейцера, пришёл в такое состояние, что потерял ощущение времени, забыл, где находился, а когда

очнулся, увидел, что плачет [Абрамов А., 2010]. Постоянный органнй репертуар Швейцера включал помимо произведений Баха произведения Франка, Мандельштама, Видора. Преподавая игру на фортепьяно, он давал своим ученикам разучивать произведения Бетховена, Мендельсона, Шумана.

Вместе с Видором Швейцер подготовил новое издание полного собрания органнх произведений Баха и практическое по исполнению прелюдий и фуг Баха. Его музыка была для А. Швейцера мистическим источником жизненной силы. Это было живое явление высокого духа, утверждающего свою связь с вечностью, подлинная внутренняя «церковь музыканта», без которой дух и душа не могли полноценно существовать и осуществлять своё признание. В подтверждение этого Швейцер писал, что музыка Баха «требуе от нас, чтобы мы достигли спокойствия и духовности, которые бы позволили нам вызвать к жизни нечто от того глубокого духа, который в ней сокрыт».

С детства Альберт интересовался устройством органов. Позже он заметил, что старинные органы звучат лучше современных. Анализируя это наблюдение, он стал собирать материал для книги об органостроении. В 1906 г. он опубликовал книгу «Французское и немецкое органное строительство и искусство», принесшую ему ещё большую известность. В этой книге Швейцер писал о современном состоянии органного исполнительства в Европе, предвосхищая последовавший поворот от романтической интерпретации инструмента к его барочным корням. В 1909 г. в Вене на Международном съезде музыкального общества на секции органостроения А. Швейцер в соавторстве с Ф.-Х. Матиасом представил сформулированные первоначально в брошюре Швейцера «Правила изготовления органов», которые были официально утверждены и изданы отдельной брошюрой в Вене и Лейпциге.

В 1911 г. за работы по биографии И.С. Баха Швейцер получил степень доктора музыковедения. Помимо концертов, которые А. Швейцер давал во многих странах, он читал лекции о творчестве Баха. В сентябре 1911 г. Швейцер играл на музыкальном фестивале в Мюнхене, где исполнялась новая «Симфония Сакра» Ш.-М. Видора. Учитель дирижировал оркестром, а его ученик сидел за органом.

В начале 1910 г. Швейцер начал собирать материал и делать наброски к книге о Шуберте, но из-за больших нагрузок, связанных с изучением медицины и концертной деятельностью, она так и не была написана. В 1912 г. он получил приглашение Московского филармонического общества выступить с концертами в России, но из-за большой загруженности не смог им воспользоваться.

В течение жизни А. Швейцер выработал свой неповторимый стиль исполнения органной музыки под влиянием своих талантливых учителей и в результате освоения

творчества И.С. Баха. Его игра находила необычайное признание у слушателей, музыкантов и критиков. Газеты писали о Швейцере, что «он показал величие хоралов Баха многим, кто ранее был невосприимчив к красоте музыки, и называли его стиль неподражаемым» [Gaerthner H., 1985]. Манера игры А. Швейцера не являлась простым воспроизведением прекрасной музыки, он сумел обогатить произведения великого композитора своими мыслями и чувствами как виртуозный исполнитель. Игра Швейцера по стилю более относящаяся к романтизму, создавала впечатление истинной и загадочной медитации.

Занятия музыкой сопровождали А. Швейцера на протяжении всей жизни: в раннем детстве, во время учёбы в школе, гимназии, Страсбургском университете и в Сорбонне. Будучи врачом, он не оставил музыку, редактировал сочинения И.С. Баха. После Первой мировой войны, освободившись из лагеря, много выступал как органист [Скотникова Г.В., 2000]. И работая потом в Африке, Швейцер продолжал заниматься музыкой (у него было пианино с органной педалью). Некоторые из его ценителей утверждали, что условия джунглей позволили ему отточить исполнительское мастерство до высокопрофессионального уровня. Так, Норман Казинс, услышав в Ламбарене исполнение А. Швейцером, которому уже было много лет, его любимой токкаты и фуги ре-минор писал: «Токатта полностью подчинилась могучему напору его рук, и он достойно выдерживал требование Баха: полновесное звучание каждой ноты. Каждый звук имел свой вес и свою ценность, и в то же время все они тесно переплетались в единое гармоническое целое. Даже если бы я был в самом большом соборе мира, я не получил бы такого великого утешения, как, вслушиваясь в исполнение Швейцера, здесь, в глубине Африки. Стремление выразить красоту музыкальной архитектуры, строгий артистизм, осязаемая жажда сохранить живым величественную мощь своего музыкального прошлого, необходимость излияния и катарсиса - все эти сокровенные чувства звучали в игре Альберта Швейцера» и далее: «Сидя за пианино, он возвращался назад в мир творчества и сурового великолепия и простоты, которые он всегда черпал в музыке. Музыка питала его душу, так же как и душу Пабло Казальса. Швейцер чувствовал себя отдохнувшим, возрождённым, окрепшим. Когда он встал, не было ни намека на сутулость» [Cousins N., 1960].

Как великий органист А. Швейцер приобрёл наибольшую славу после Второй мировой войны во время приезда в Европу в 1948 г., когда давал концерты во многих городах Европы и Америки. 28-29 июля 1954 г. Швейцер дал последний публичный органнй концерт, посвящённый памяти Баха, в страсбургской церкви св. Фомы. Позже он выступал только с небольшими фортепьянными концертами для сотрудников и

пациентов больницы в Ламбарене. А 3 сентября 1965 г., за день до смерти, великий гуманист, врач и музыкант слушал в последний раз с закрытыми глазами Четвёртую симфонию Бетховена.

А. Швейцер был и остаётся величайшим исполнителем произведений И.С. Баха и лучшим знатоком его творчества вплоть до наших дней. В книге «Старые и новые музыканты», которую Р. Роллан посвятил Швейцеру, называл его сильнейшим музыкантом-импровизатором мира, крупнейшим знатоком Баха. Роллан тепло отзывался об исполнительском искусстве А. Швейцера. Его книгу о Бахе Р. Роллан оценивал следующим образом: «...Являясь плодом гармонического сочетания немецкого и французского духа, она обновляет изучение Баха и историю других классиков». Друг Швейцера, испанский виолончелист, скрипач и композитор Пабло Казальс, также боровшийся против войны, писал о нём: «Что за колосс был этот человек! Поистине совесть Земли» [Кан А., 1977].

Значение Альберта Швейцера

Альберт Швейцер – феномен XX столетия. Его жизнь и деятельность оставили яркий след в истории человечества как одно из величайших явлений XX века, явились величайшим образцом гуманизма. Швейцер провозглашал благородные цели и всю жизнь посвятил их осуществлению. Это единство мыслей, высказываний и дел явилось великолепным примером, которому должны следовать люди, особенно в период неизбежного расхождения человеческих дел с мыслями и идеалами. Такой образ жизни А. Швейцера вызывает, с одной стороны, признание и уважение, а, с другой, - неприятие. Тем не менее, независимо от людской любви, обожания, либо осуждения, он прожил свою жизнь так, как хотел. Он сделал всё, что решил сделать. Он относится к числу тех, которые указывают людям верный путь развития от разобщённости к единству.

Швейцер писал о себе, что его жизнь прошла под знаком двух явлений, оказавших решающее влияние на его судьбу. Первым было восхищение перед непреходящей загадкой бытия, которая служит объектом людского преклонения; вторым – печаль и сожаление о том, что приходится жить в эпоху духовного упадка человечества и угасания культуры. А. Швейцер не спешил стать в первую шеренгу борцов за права человека в Европе. Он пошёл к беднейшим из беднейших, к бесправнейшим из бесправных – в африканский девственный лес [Freyer P. H., 1978].

Известность и славу Швейцеру принесли его жизненный подвиг и его гениальность. Черты характера, необычность его идей и жизненных принципов выделяли его среди всех. Главными свойствами характера А. Швейцера были благородство, собранность, дисциплина, настойчивость и убеждённость. Он провозглашал высокие

идеалы всеобщей любви и деятельного добра. В этом смысле он возрождал вечные ценности, скрытые глубоко в душе каждого человека, которые объединяют людей разных культур и находят в них эмоциональный отклик. Величие Швейцера происходит от его собственной личности, личного примера, гениальности и нравственной позиции. Он имел силы, чтобы прожить свою жизнь в соответствии с идеалами, которые он провозглашал.

А. Швейцер относился к последним «могиканам» тех представителей классической культуры, чьё влияние определялось не силой стоявших за ним масс, а прежде всего, масштабом собственной личности. Чешский философ и большой друг Швейцера Оскар Краус писал о нём: «Я думаю, не преувеличу, если стану утверждать, что нынешний цивилизованный мир не может назвать никого, кто по многосторонности таланта, силе интеллекта и, особенно, нравственной энергии был бы равен Альберту Швейцеру» [Kraus O., 1926].

Швейцер был одним из немногих, кто не только философствовал, но жил, не отделяя мыслей от поступков. Поэт Никос Казанцакис, последователь философии А. Бергсона, сравнивал Альберта Швейцера с Франциском Ассизским: «Они сходны между собой, как два брата». Действительно, судьба Швейцера воспроизвела, словно в зеркале, великого средневекового святого. Фундаментом отражения Франциска из Ассизи была глубокая убеждённость Швейцера, что Христианство – это мистика, соединённая с Христом. Святой Франциск был человеком, который более, чем кто-либо из людей, приблизился к Христу. В их судьбах прослеживаются явные параллели. Франциск, сын купца, галантный юноша, поэт и музыкант, отказался от блестящего будущего и сделался проповедующим Евангелие и ухаживающим за прокажёнными. А. Швейцер – признанный в Европе молодой философ, теолог и музыкант – уехал в тропический лес к нуждающимся в медицинской помощи африканцам [Фуртай Ф., 2000]. Подобно св. Франциску, Швейцер построил в Ламбарене лепрозорий и работал в нём. Подобно святому отцу, А. Швейцер был великим мистиком и считал, что «мировоззрение благоговения перед жизнью – это этический мистицизм. Оно позволяет достигнуть единения с Бесконечным». Уехав в Африку, чтобы вести жизнь врача-подвижника, Швейцер совершил величайший акт свободы, как когда-то сын богатого торговца Франциск нищим ушёл в мир проповедовать Евангелие. Альберт Швейцер, признанный музыкант и талантливый музыковед, также считал, что музыка – это голос Бога. Ведь св. Франциск любил петь и мечтал послать своих музыкально одарённых братьев-монахов проповедовать музыкой и песнями.

Швейцер был одним из тех, кто провозгласил межнациональное сотрудничество во имя общей цели и братской помощи беднейшим. Он был величайшим идеалистом и всегда верил в личный пример добрых дел [Scholl J., 1994]. Когда он стал знаменитым,

множество людей во всём мире просили у него совета и помощи. А. Швейцер пользовался огромным уважением и оказывал колоссальное влияние на окружающих.

Всеобщая известность Швейцера сделала его образцом для подражания для людей разных национальностей, религий и мировоззрений. Немало было примеров прямого влияния на сознание и практическую деятельность его последователей. Так, англичанин Гордон Сигрей построил больницу по типу Ламбарене в Бирме. Война разорила его и разрушила его детище. Но, будучи деятельным оптимистом, Сигрей нашёл средства и отстроил больницу заново. Немецкий врач Теодор Биндер, участвовавший в покушении на Гитлера, бежал в Перу и построил в джунглях Амазонки аналогичный госпиталь. Доктор Томас Дули создал больницу в Индокитае. «Я думал при этом о Швейцере», - заявлял он [Носик Б.Н., 2003]. И это – не единственные примеры.

Бертран Рассел в письме Рене Швейцер писал: «По-настоящему добрые и способные на самопожертвование личности очень редки. В наше время таких людей почти невозможно встретить. Швейцер был по-настоящему добрым и по-настоящему способным на самопожертвование». Внутренняя логика его убеждений (пусть далеко не всегда совпадающая с логикой реальной действительности), страстность его веры в торжество добра и человечности, бескорыстное служение принятым идеалам, обаяние его незаурядной личности - всё внушало глубокое уважение к этому великому человеку.

Альберт Швейцер не был ни моралистом, ни кабинетным теоретиком, его путь являлся ежедневным тренингом, столь же телесным, сколь волевым и осознанно-ментальным. Для Гёте, декларировавшего «Вначале было Дело!», всё же реально изначально оставалось Слово. Для Швейцера, восхищённого этой декларацией Гёте, изначально было действительно практическое деяние [Болдырев Н., 2003].

Мышление А. Швейцера далеко опережало время. Так, в докладе Римского клуба [Кинг А., Шнейдер Б., 1991] содержалось требование обеспечить одинаковые темпы развития в научно-технической сфере и общественном сознании, нравственности, а также условие первоочерёдности духовного содержания в жизни человека, поскольку утеряно равновесие между личностью и обществом, а эмоциональная, духовная и даже интеллектуальная составляющие подавлены достижениями в материальной сфере. Эту же мысль Швейцер впервые высказал за полвека до появления Римского клуба.

Суждения А. Швейцера о судьбах человечества в связи накоплением несметных разрушительных сил были поддержаны Папой Римским Иоанном-Павлом II. В своей энциклике «К возрождению человечества (Redemptor hominis)» в 1979 г. он писал: «Человек всё сильнее и сильнее ощущает страх. Он боится своих собственных созданий – не всех и даже не большей их части, но лишь некоторых, которые приобретя подобие

человеческого сознания могут стать инструментами и средствами разрушения, по сравнению с которыми бледнеют все испытанные ранее катастрофы и бедствия».

Сегодня мы являемся свидетелями перемен человеческой ментальности. Такие перемены проявляются в новом мышлении (в новых мыслях, чувствах и ощущениях). Это новое мышление находит выражение в экологизации, глобализации и универсализме [Режабек Б.Г., 2003]. Распространение нового мышления имеет также огромное значение для слияния человека с природой и обществом на новой основе. Это новое качество жизни позволит людям развить и улучшить их потенциальные возможности, создать новую систему межличностных отношений, что должно оказать решающее значение на образ жизни каждого человека. Поэтому можно утверждать, что в этом смысле Альберт Швейцер сделал гигантский вклад в развитие человеческой цивилизации. Новое мышление, провозглашённое Швейцером, может оказаться для человечества единственным шансом выжить. Смысл бытия человека – непрестанное совершенствование с целью гармонизации и улучшения собственной природы – полагал великий мыслитель [Грицанов А.А., 1999].

Поэтому очень справедливо звучат слова выдающегося писателя и его друга Стефана Цвейга: «Эта жизнь стоит того, чтобы стать когда-нибудь объектом героической биографии. Не героической в старом военном смысле, но в новом смысле морального героизма». А великий британский политик и лауреат Нобелевской премии по литературе Уинстон Черчилль назвал Швейцера «гением человечности». Жизнь Альберта Швейцера – яркий пример человечности, нравственная вершина, на которую будут оглядываться люди, какими бы путями они ни шли.

Сведения об авторе.

Н о в и к о в Юрий Юрьевич

- доктор философии;
- академик Российской народной академии наук;
- академик Академии Русских предпринимателей;
- академик Академии мировоззренческих технологий;
- профессор Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка;
- декан факультета менеджмента в сфере здоровья, медицины и социального развития и профессор Института Русского предпринимательства;
- руководитель отдела Института ноосферных исследований и разработок при Международном экологическом фонде;
- исполнительный директор Российско-французского проекта «Ноосферный мост»;
- заместитель председателя общественного совета Международного фонда «Русская соборность»;
- член президиума Всемирной лиги «Нравственность, творчество, безопасность и процветание»;
- действительный член Российского философского общества и член бюро его секции «Философские проблемы ноосферы»;
- член Союза славянских журналистов и лауреат его конкурса «России верные сыны» (серебряная медаль);
- лауреат медали Парацельса Европейской академии естественных наук;
- лауреат медали «За медицинские заслуги» Национального наградного фонда РФ;
- кавалер Павловского Мальтийского креста Российского дворянского общества;
- *автор* 135 научных статей, тезисов докладов и методических разработок, 8 книг и брошюр.